

МИХАИЛ МИХЕЕВ

Боевая фантастика

НЕ БУДИТЕ
СПЯЩЕГО БАРОНА

Annotation

Провинциалы живут вдали от столицы и не могут похвастаться придворным лоском. Зато они храбры, у них есть понятие о чести и готовность рисковать шкурой, защищая близких. И провинциальный барон, когда беда грозит его воспитаннице, не задумываясь отправляется в дорогу. Наемники с мечами? Замечательно! Убийцы? Они тоже смертны. Маги? От доброй стали не спасет никакое колдовство. Боги? Демоны? Что же, придется драться и с ними, если рискнут встать на пути. А если будет трудно, найдутся те, кто встанет рядом. Главное, не испугаться, ведь это недостойно мужчины и дворянина!

Михаил Михеев

Не будите спящего барона

© Михеев М., 2015

© ООО «Издательство АСТ» 2015

© Издательский дом «Ленинград», 2015

* * *

Михаил Михеев

Родился в городе Ухта в 1973 году, в эпоху развитого социализма. Закончил институт, защитил диссертацию и всю жизнь проработал на предприятиях нефтяной и газовой промышленности. Объездил Север, от тайги до океана, там же начал писать – полярной ночью в тундре это не худшее увлечение. Первую книгу напечатали в «Ленинградском издательстве», за что ему благодарен, впоследствии писал еще и еще. На сегодняшний день автор почти двух десятков романов в жанре научной фантастики и фэнтези, изданных в Москве и Петербурге.

* * *

Эту парочку лорд Аллен увидел абсолютно случайно. Шел себе по рынку, с интересом рассматривая выложенные на прилавках товары. В принципе, для аристократа занятие совершенно неприличное, но... Вот тут и выплывает интересный момент. Далеко не все аристократы богаты, особенно сейчас, когда их стало много. Страна прекратила завоевания лет двести назад, и молодые дворяне резко утратили востребованность – раньше молодых людей, обученных владеть любыми видами оружия, но охотно брали в армию, где они порой достигали немалых высот. Те, кто выживал, разумеется. Таким образом решалось сразу две проблемы – и младшие дети в семьях были пристроены без урона для дворянской чести, и естественная убыль в войнах не давала им расплодиться до безобразия. К тому же завоевательные походы – это, помимо прочего, еще и новые земли, а стало быть, отличившиеся могли получить свою долю и основать собственный род. Правда, среди таких основателей частенько оказывались и отнюдь не хвастающиеся длинной чередой предков, выслужившие офицерский чин и дворянство храбростью вчерашние крестьяне, но

представители молодых фамилий на недостаточную родовитость соседей обычно смотрели сквозь пальцы. В конце концов вместе воевали и, порой дрались спина к спине. А что обитатели метрополии рожи кривили, так это их проблемы, тем более владения на новых землях зачастую оказывались и больше, и куда богаче, чем у старой аристократии.

Однако когда завоевания прекратились, изменилось очень многое, и в первую очередь статус дворянства. Детей в семьях хватало, войн было мало, и количество дворян начало расти. А ведь их надо было куда-то пристраивать, и в результате одни дробили оставшиеся от предков земли, чтобы обеспечить всех, другие правдами и неправдами пристраивали отпрысков ко двору. Вот только долго это продолжаться не могло, нельзя до бесконечности делить наследство, да и хлебных мест на всех не хватало. Соответственно, и жить так, как принято в среде дворян, имея особняк и штат прислуги, тоже не получалось. А потому многие дворяне жили сейчас не лучше простолюдинов, разве что гербы имели да мечи у пояса таскали. Некоторые – еще недавно это казалось неслыханным – занимались ремеслом, а уж самим пройти по рынку, чтобы купить продуктов, и вовсе стало делом житейским. Конечно, вроде как бы и неприлично, однако на такое нарушение этикета давно смотрели сквозь пальцы. Не все, разумеется, но подавляющее большинство. А то ведь и нарваться можно, ведь если дворянин беден, это еще не значит, что он плохо владеет оружием.

Надо сказать, лорд Аллен не был нищим, и прислугу в своем небольшом особнячке держал. Конечно, до самых богатых и родовитых граждан королевства ему было далеко, однако большое и, по нынешним временам, богатое поместье имелось. Деньги, получаемые от продажи зерна, он вложил в несколько доходных предприятий – раньше за такое его подвергли бы обструкции, но сейчас те, кто знал, чем занимается молодой лорд, лишь кивали понимающе. В принципе, начал грамотно распоряжаться финансами еще отец Аллена, барон Кассии, однако когда он безвременно погиб на охоте, на свою беду в одиночку оказавшись против матерого кабана, дело в свои руки пришлось брать его сыну, и тот за четыре года сумел не только сохранить, но и приумножить отцовский капитал. Вот только и привычки тоже приобрел совсем не аристократические, и запросто по рынку пройти тоже не гнушался, тем более что помимо экономии на прислуге, такие прогулки иногда приносили немалый доход. Рынок был кладезем слухов и сплетен. Имеющий уши – услышит, а имеющий мозги – обратит случайное знание себе на пользу. Да хотя бы просто знать цены, к примеру, на пшеницу – и то неплохо, можно решить, продавать скопившиеся в поместье запасы, или лучше подождать и немного попридержать их на будущее. Конечно, можно и нужно иметь агентов, собирающих информацию, но и самому держать руку на пульсе дорогого стоит.

Вот и шел он по рынку, прицениваясь, закидывая в совсем не мужественно выглядящую корзину покупки, перебрасываясь иной раз парой слов со знакомыми, а то и ловко хлопая проходящих мимо простолюдинок по задницам. Они, кстати, на это не обижались – во-первых, молодой лорд был в своем праве, а во-вторых, умел он чувствовать тех, кого не оскорбит таким поведением. Как? А боги ведают. Тем не менее он ни разу еще не ошибался, и, соответственно, не нажил из-за такой ерунды скрытых врагов. Точно так же и шуткой перекинуться не считал зазорным хоть с золотарем, но при этом всегда умел держать дистанцию – за это, а также за беззлобный, но жесткий характер его, кстати, и уважали.

Судьба – штука интересная. Не обернись он, провожая взглядом весьма аппетитную барышню, и жизнь продолжала бы идти своим чередом, а тут взгляд зацепился за какую-то несообразность окружающего ландшафта. Кто другой не обратил бы внимания, но Аллен привык доверять интуиции, особенно после того, как только благодаря ей выжил. Младший

брат, не родной, а сводный, от второй жены отца, решил после смерти папаши наложить лапу на наследство. Вот только не учел, что разница в полтора года в их возрасте значит достаточно много, и старший брат, увидев его бегающие глаза, не только будет настороже, но и просто окажется намного сильнее. В результате у Аллена на ребрах нарисовался длинный тонкий шрам, а неудачника вместе с безутешной матерью со всеми почестями похоронили в семейной усыпальнице. Именно с того дня молодой барон никогда не отмахивался от предчувствий, и ни разу об этом не пожалел.

Однако предчувствия предчувствиями, а сейчас ему потребовалось не меньше трех ударов сердца, чтобы понять, какая именно несообразность привлекла внимание. Здесь все было, как обычно – визгливо кричал какой-то зазывала, силящийся впарить доверчивым простакам лучшие в мире апельсины (гнилые через один, не меньше), копалась в куче овощей, выбирая те, что получше, старуха, опрятная и ворчливая. Чуть дальше бродячие комедианты устраивали представление – как и положено, с жонглерами, метателями ножей и глотателями огня. Продажная девка в неприлично короткой юбке подпирала спиной замызганную стену... Аллен к такой и близко бы не подошел – все же он свое достоинство нашел не на помойке, чтобы совать его куда попало. По утоптанной до каменной твердости, не размокшей даже сейчас земле пробежала крыса – толстая и наглая, с наполовину оторванным когда-то хвостом. Привычно копошились в отбросах нищие...

Нищие. Парочка детей, устроившихся у той же стены, что и проститутка, шагах в пяти от нее. Там рухнувший в незапамятные времена участок, который так и не удосужились восстановить, образовал нишу, лишь задрапированную прикрытыми рваной тканью досками. Сейчас эта полусгнившая конструкция была приподнята, образуя что-то вроде навеса. Сделали это тоже давно, она была в таком положении задолго до того, как Аллен в первый раз, еще мальчишкой, пришел на этот рынок. Однако редко когда под навесом кто-то располагался – для нищих это место, расположенное немного в стороне от проходов, которыми обычно пользовалось большинство покупателей, оказалось неудобным. Это шлюху разглядят издали, а на них и внимания не обратят. Да и опасно вдобавок было здесь сидеть – серые, покрытые местами скользким на вид лишайником камни по краям ниши, скрепленные рассыпающимся от времени цементом, могли в любой момент рухнуть, и если не похоронить, то чувствительно приложить неосторожных обитателей. Случались прецеденты.

Но эти двое, похоже, не боялись – то ли мозгов не было, то ли сил уже не оставалось. Просто бросили на вяло подтаивающий снег какое-то тряпье и устроились на нем – все не так холодно. Одной лет двенадцать, рыжеволосая и кудрявая, с какой-то детской наивностью в глазах, держала в руке глиняную кружку с отбитой ручкой, и Аллен мог с уверенностью сказать, что в ней ни единой монеты. Вторая, на вид чуть постарше, лежала, закутавшись в то же самое тряпье. Впрочем, про возраст с уверенностью сказать было сложно – очень уж изможденное лицо и потухший, ничего не выражающий и вместе с тем внимательный взгляд. А еще неровно обрезанные прямые волосы неестественно белого цвета, словно покрашенные. Обычные, в общем-то, попрошайки, таких можно встретить на любой улице. Или сдохнут от голода и болезней, замерзнув на сыром ветру, или вырастут и пополнят число проституток, карманников и прочих обитателей дна. Скорее первое, хотя тут уж как повезет. В любом случае незавидная участь. Вот только почему они привлекли его внимание?

Ответ он получил через секунду. Короткий порыв ветра разметал на миг шевелюру рыжеволосой, и Аллен успел рассмотреть ее ухо. Обычное такое ухо. Чуть заостренное.

Эльфийское.

И что здесь делает эльфийка? Аллен с трудом удержался от того, чтобы не повернуться и не уйти отсюда, быстро-быстро. Эльфийка, причем совсем девчонка, просящая милостыню... Этого не может быть, потому что этого не может быть, вот и все. Но своим глазам Аллен привык верить. Творилось что-то непонятное, а там, где тайны, жди неприятностей. Вот только, при всем своем продуманном житейском цинизме, Аллен оставался тем, кем был – совсем молодым человеком, которому дико интересно, что же происходит вокруг. Запах тайны щекотал ноздри, хотя одну из них он успел решить, сразу и моментально. Правда, маленькую, наименьшую из возможных – ту, что была связана с волосами лежащей. В такой цвет красили иногда волосы полукровки, слишком похожие внешне на чистокровных эльфов. Для того, чтобы не перепутали – во многих отношениях эльфы жуткие снобы, и полукровка у них, конечно, не пария, но и за равного его никогда не признают.

В общем, пока здравый смысл кричал «Стой!», рефлексы делали все остальное. Небрежным шагом он ужом ввинтился в толпу, и она привычно и спокойно приняла его в себя. Левой рукой придерживая меч у бедра, а правой на ощупь нашарив в кошельке серебряную монету, Аллен уверенно миновал скопление людей. При его приближении шлюха зазывно улыбнулась, но молодой дворянин не удостоил ее и взглядом, лишь усмехнулся про себя, когда она, думая, что несостоявшийся клиент не видит, скорчила недовольную рожу. А ведь совсем молодая еще, могла бы выйти замуж, воспитывать детей... Впрочем, Аллена мотивы, толкнувшие ее на сомнительные заработки, не волновали. Куда больше его манил интерес, а то жизнь в последнее время стала уж больно пресной, а за развлечение серебряной монеты не жаль.

Рыжеволосая заинтересованно таращилась на что-то совсем в другой стороне и, похоже, даже не сразу поняла, когда в кружке звякнул увесистый кусочек серебра. А когда сообразила, то удивленно и чуточку недоверчиво уставилась на стоящего рядом человека. Глаза у нее были огромные и ярко-ярко зеленые, такие почти никогда не встречаются у людей, но среди эльфов, по слухам, не редкость. Правда, Аллен до этого видел эльфов считанные разы и никогда не смотрел им в глаза. Чревато, знаете ли, никогда не знаешь, что перворожденные сочтут дерзостью и чем это обернется. Тем не менее глаза этой девочки напоминали изумруды. У полукровки, неловко повернувшейся в их сторону и приподнявшейся на локте, они тоже были зелеными, но не такими яркими, с легким сероватым оттенком. А может, так просто казалось – Аллен не был целителем, однако и без этого видел, что ей очень плохо.

– Спасибо, господин...

О-ох, как непривычны ей эти слова! Аллен почувствовал это прямо физически – ну да, перворожденные не должны унижаться перед человеком. Но все же сказала, причем без паузы – очевидно, жизнь успела ее малость обломать, и милостыню они просят уже не первый день. Вот только как еще никто не понял, что она эльфийка? А ведь не знают, голову на отсечение можно дать, иначе здесь такое бы творилось...

– Не за что, красавица. А теперь скажи мне, что ты здесь делаешь? – и, присев на корточки, пальцем коснулся ее уха.

Хорошо еще, что здесь, на рынке, никто не обращает внимания на других – не принято это как-то. Ну, заговорил дворянин с малолетней нищенкой – и что с того? Может, он на нее имеет какие-то виды, причем не самые пристойные. Такое случалось частенько, среди

богатой молодежи нравы были даже излишне вольные. Особенно среди тех, кому делать нечего. К последним Аллен, правда, не относился – ну да это уже мелочи. Вот и не смотрели на него, а в результате не заметили и того, как девчонку буквально подбросило в воздух, а тонкие пальчики устремились вперед...

У взрослого эльфа получилось бы. Аллен, скорее всего, даже не успел бы среагировать на удар твердых, как гвозди, кончиков пальцев, входящих ему прямо в гортань. Однако сейчас перед ним был всего лишь ребенок, которому не хватило ни силы, ни ловкости. Да и не учили эльфийку толком, похоже – так, где-то что-то видела, но врожденной скорости и ловкости для удара недостаточно, его надо ставить. Аллен тоже никогда не воевал, – но владеть оружием учился всерьез, это норма для любого дворянина. А специально приставленный к нему в свое время отцом дружинник из его личной гвардии натаскивал молодого дворянина на совесть, и не забывал повторять: самое лучшее оружие – ты сам. Вот и владел Аллен не только мечом, копьем и кинжалом. Голыми руками он тоже кое-что мог сделать, именно это умение помогло ему в том, последнем разговоре с братом.

Вот и сейчас он всего лишь перехватил руку девочки за кисть и слегка ее сжал. Все, больше она ничего делать не рисковала – просто не могла. Даже человеку, точнее, человеческому ребенку, в такой ситуации было бы очень больно, а уж эльфу... Расплата за скорость и реакцию – низкий болевой порог, все чувства эльфов, по сравнению с человеческими, обострены. Возможно, сожми Аллен ее руку сильнее, она бы потеряла сознание от боли. А может быть, и нет, проверять нужды не было.

– Не дергайся, не привлекай внимания, а то ведь и убить могут. Мужичье не любит эльфов, и под шумок вас просто затопчут, понимаешь? А то ведь еще и поглумятся.

Эльфийка кивнула, похоже, она и в самом деле что-то понимала. Когда Аллен разжал пальцы, она тут же дернулась назад, забилась в угол. Ее спутница, напротив, попыталась сесть, но не особенно в этом преуспела. Аллен присмотрелся, вздохнул:

– Давно не ела?

Та лишь кивнула. Все правильно, целители называют подобное ускоренным обменом веществ. Не зря же практически все эльфы худощавые – то, что они съедают, буквально сжигается организмом. Еще одна плата за скорость – никаких резервов у них нет, стоит пару дней поголодать, и бери эльфа голыми руками. Аллен неплохо знал историю войн и помнил, как в одном из многочисленных конфликтов люди прижали отряд эльфов к горам. Даже не атаковали, просто блокировали. Те сдались через пять дней, хотя люди в такой ситуации из чистого упрямства просидели бы недели две-три, не меньше. А эти поерзали-поерзали – и сдались, поскольку запасы съели уже на вторые сутки. Еще дня три, и они начали бы просто умирать от голода.

С полуэльфами бывает по-разному. Какие-то выносливее обычных эльфов, какие-то – нет. Непонятно только, почему здесь полуэльфийка в худшем состоянии, чем чистокровная. Как минимум должны быть одинаково измождены, а учитывая, что она старше... Хотя, возможно, она просто дольше не ела, подкармливая малолетку за счет себя. Это, кстати, вполне в духе эльфов. Будь обе чистокровными – делились бы по-братски, рассказывают, у них именно так принято, а на полукровок это не распространяется. И что, спрашивается, с ними теперь делать? Особенно учитывая, что обе девчонки молчали и со страхом смотрели на него.

В принципе, вариантов было три. Встать и пойти дальше – это, наверное, проще всего и правильнее всего. Самый минимум для них он уже сделал – на монету, брошенную им,

побирушки смогут прожить несколько дней. Крикнуть, что здесь эльфы – и все, их кончат. Тоже нормально, большинство, наверное, так и поступило бы. Ну и развлечение какое-никакое, а то бродячие комедианты, показывающие одно и то же, надоели вконец, а последняя казнь, поглазеть на которую сбежался весь город, случилась больше месяца назад. И, наконец, сообщить в мэрию, либо просто их туда отвести, а там уж пускай те, кому положено, с этим геморроем разбираются. Самый законный вариант и самый, наверное, скучный, тем более что результата не узнаешь никогда. Но раз уж начал искать приключения на свою... голову, не стоит останавливаться. Именно поэтому Аллен поступил так, как не должен был ни при каких обстоятельствах, и тем самым крутанул скрипучее колесо судьбы в сторону от накатанного пути.

– Идти можете?

Рыжая удивленно кивнула, старшая же хриплым, совсем не эльфийским, голосом выдохнула:

– Я не смогу. Оставьте нас, пожалуйста.

– Если я вас оставляю, вы загнетесь, – Аллен прикинул расстояние до дому и то, что весу в лежащей совсем немного, и решил, что справится. В конце концов, он мужчина и воин. – Не вздумай брыкаться, я тебя отнесу. А ты, рыжая, потащишь корзину. Справишься?

Младшая неуверенно кивнула. Впрочем, справится, никуда не денется. Корзина на вид внушительная, но весу в ней на проверку – чуть, Аллен мало что успел купить. А не справится – он всегда успеет перехватить. Решив таким образом, он поставил корзину на снег и подхватил полукровку раньше, чем та успела возмутиться.

Тело ее оказалось неожиданно горячим, хотя все книги, которые читал Аллен, утверждали – в этом плане эльфы от людей практически не отличаются. Похоже, кроме истощения она еще и заболела – лежать на снегу для здоровья вообще противопоказано. Вот ведь нашел приключение на свою голову, но отступать Аллен не любил и из чистого упрямства иной раз делал глупости, к счастью, небольшие. Именно поэтому он не разжал руки, а осторожно поднял груз. Весу в соплюшке, кстати, оказалось даже меньше, чем он думал, а брыкаться и вырываться она не пыталась, наверное, понимала, что это бесполезно, да и сил не было. И в этот момент тряпье зашевелилось.

В жизни случается всякое, в том числе и такое, от чего челюсть отвисает до пупа. Сейчас был именно такой случай. Из-под тряпок показалась маленькая, похожая на змеиную голова, увенчанная парой коротких, острых рожек, длинная шея... Мама, роди меня обратно, это же дракон! Точнее, дракончик, совсем молодой, в длину не больше человеческого роста. Откуда он здесь?

Аллен еле удержался от того, чтобы выругаться. Похоже, эта тварюшка, про которую даже неизвестно толком, разумная она или нет, здесь вместе с детьми и, скорее всего, попретса за ними. Это все равно что флагом размахивать! И, словно подтверждая его мысли, дракончик расправил маленькие, не успевшие еще толком отрасти крылышки, и чуть слышно зашипел.

Удивительно, но люди, находившиеся поблизости, не обратили на это внимания. Они вообще вели себя так, словно ничего особенного не происходило. Какие драконы? Ну, может, собака гавкнула... Собака! Боги, как все просто!

Конечно, на них и внимания поэтому не обращают. Иллюзия, причем не из простых. Все вокруг сейчас видят перед собой двух девочек, самых обычных, и, скорее всего, большую собаку, а судя по тому, что и на шипение внимания не обращают, воспринимают издаваемые

драконом звуки как лай. Лихо! И любого обведет вокруг пальца. Любого, но не Аллена.

Не зря нанятые отцом учителя говорили, что более неспособного к магии, чем он, надо еще поискать. Однако отсутствие способностей не только минус, но и плюс. Тех, у кого нет магии, и самих не зачаровать, не обмануть иллюзией, не внушить им ничего. Ударить силовой волной – пожалуйста, а, к примеру, подчинить уже невозможно. Вот и сейчас Аллен просто не почувствовал иллюзии.

Все это крутилось у него в голове, когда он уже шел по рынку, а затем и по улице. Рыжая, нагруженная корзиной, тащилась сзади – видно было, что ей не тяжело, но крайне неудобно, и даже минимальными навыками переноски таких предметов она не обладала. Ну да, какая перворожденная станет утруждать ручки, с некоторым злорадством подумал Аллен. Дракончик смешно, но шустро семенил чуть позади, ухитряясь никого не задеть, и не привлекая лишнего внимания. Пожалуй, только бродячие кошки вели себя необычно – они просто не реагировали на дракона, хотя от других собак шарахались. Ну да, кошки так же нечувствительны к магии, как и сам Аллен, а значит, что перед ними не собаку они видят. Драконы же к кошкам безразличны, равно как и наоборот. Зато встречные псы, которых в городе хватало, и которые даже удостоились сомнительной чести быть изображенными на его гербе, адекватно облаивали их с уважительной дистанции. Все правильно, они-то видят перед собой такого большого и сильного родича, который, случись что, порвет их на лоскутки. И это тоже выглядело нормально и не привлекало внимания.

Хорошо еще, идти было недалеко. Небольшой, всего-то двухэтажный особняк, городская резиденция баронов Кассии, располагался в не самом престижном и потому не самом дорогом районе – предки были рачительны и не пытались зря пускать окружающим пыль в глаза. Заимели приличествующее их положению жилье, и только. Зато в те времена они смогли купить здесь большой участок земли, и не прогадали – сейчас ее стоимость поднялась в разы. И особняк стоял, не теснясь с другими домами, а окруженный небольшим то ли парком, то ли основательно запущенным садом, в который его архаичные, больше напоминающие крепость в миниатюре стены вписывались достаточно органично.

– Тетя Моран! – толкнув калитку, бесшумно повернувшись на хорошо смазанных петлях, Аллен ступил на посыпанную мелким красноватым гравием хорошо утоптанную дорожку. Калитка эта закрывалась только на ночь, да и то на весьма прозаическую щеколду. Тем не менее воришек молодой барон не опасался – предки, среди которых имелось немало по-настоящему сильных магов, постарались на совесть, раскидав вокруг дома немало ловчих заклинаний. Даже живший в городе маг, не самоучка, как деревенские шарлатаны, а настоящий, учившийся когда-то в столичной академии, лишь разводил руками – все его попытки разобраться в том, что же здесь наворочено, упирались в извращенную фантазию предков. Достоверно было известно только, что сеть пропускала лишь самих носителей крови баронов и тех, кого они приводили с собой. Остальных... Ну, тут уж как повезет, обычно просто обездвигивала. Последний воришка, рискнувший пробраться в дом, простоял так неделю, пока его не нашли, и сделали это лишь благодаря тому, что садовника заинтересовало, почему это мухи упорно стремятся в дальний, практически не посещаемый, угол парка. Ну, что поделать, человеку свойственно не только есть и пить, но и, так сказать, справлять противоположные надобности. В общем, этого не стали даже провожать традиционным пинком под зад – противно было. Кстати, Аллен имел полное и неотъемлемое у дворянина право укоротить любого пойманного воришку на голову, однако ни разу им не воспользовался – портить отношения с воровским сообществом ему не

хотелось. Не то чтобы он боялся, но куча мелких неприятностей, которые мог устроить глава воровской гильдии, явно перевешивала удовольствие от самоличного отрывания головы какому-то недоумку. Судя по тому, что попыток залезть в дом не предпринималось уже года два, его жест оценили должным образом. И, кстати, не стоила овчинка выделки – дом Аллена был не самым богатым в городе, барон не слишком любил копить золото в подвалах, предпочитая сразу же пускать его в оборот.

На зов из дома неспешно прошествовала высокая, на голову выше Аллена, могучего сложения, усиленного природной полнотой, женщина. Поговаривали, в ее роду не обошлось без великанов. Может, так и было, в эти дебри молодой барон никогда не лез, а сама она не рассказывала. Бессменная, еще со времен отца, домоправительница экономка, ключница, кухарка, доверенное лицо и прочая, и прочая, и прочая... Уперев в бока кулачищи, ударом которых можно было свалить быка, она звучным голосом поинтересовалась:

– И какого Таранга надо так орать?

Кому-то, незнакомому с Моран, ее голос показался бы грозным, но Аллен явственно различал в нем смешинки. Нрав у домоправительницы был на удивление легкий, не соответствующий ее внешности, просто мало кто об этом знал. Хотя, конечно, с такой легкостью поминать всуе одного из самых грозных демонов решались немногие. Моран же считала, и не без основания, что, во-первых, она слишком мелкая сошка, чтобы боги или демоны обратили на нее внимание, а во-вторых, ни одного из них люди не видели уже тысячелетия. Может, их и нет на самом деле? А если даже и есть... Те, кто ни во что не вмешивается, все равно что не существуют. Рискованный ход мыслей, жрецы такой не одобряют, вот только ни на что, кроме ворчания, они не способны. Может, где-то в другом месте их возможности и серьезнее, но в их королевстве маги, окопавшиеся у трона, пользуются куда большим влиянием. По крайней мере, в городах.

– Тетя Моран, вопросы потом.

Великанша пожалала плечами и решительно зашагала навстречу. Все же под габаритами, помимо силы, прятался еще и живой ум, неожиданный для такого большого существа. А еще у нее были нерастраченные запасы материнского инстинкта – насколько знал Аллен, единственный сын Моран наемничал где-то на краю света, чуть ли не в дружине какого-то северного ярла, полудворянина-полуторговца-полупирата, и внуков при таком раскладе она дожидаться уж и не чаяла. Хотя при этой мысли Аллен едва удержался от улыбки, как раз внуки-то у нее наверняка имелись, причем в большом количестве, вот только она о них не знала. Так что все плоды ее инстинктов выливались на Аллена, которого Моран знала буквально с пеленок. А он таким отношением беззастенчиво пользовался, с удовольствием таская из кухни горячие булочки и ухитряясь не переходить ту границу, за которой использование хорошего к себе отношения превращается в обычное хамство.

Но, хвала всем богам, громко охать при виде того, что притащил в дом излишне шустрый хозяин, она не стала. Просто взяла – и перехватила у Аллена его ношу. О-ох, как хорошо! Несмотря на малый вес, руки девчонка оттянула ему изрядно. Наверное, потому, что висела, как кисель, Аллен даже не знал, в сознании она или нет. Когда-то он слышал, что у одного из многочисленных чернокожих племен, живущих на далеком Южном континенте, есть обычай. Жених берет невесту на руки и несет ее вокруг деревни. Если невеста согласна, то обнимет его за шею, а нет – вот таким киселем и будет висеть, хрен удержишь. Ну, разве что окажешься силен безмерно, и тогда тебе плевать на любые правила, что, в общем-то, справедливо. Правда, там, по слухам, женщина считается красивой, если она толста, как

корова, а здесь ребенок, причем легонький, но все равно тяжело. И никаких рук на шею – скорее всего, у нее на это и сил-то не было.

Вообще, даже обидно. Аллен ведь считал себя достаточно сильным. Не чрезмерно, конечно, как ярмарочные бугаи, меряющиеся силой на потеху публики, но все же крепче обычного человека, зря, что ли, его, как и любого уважающего себя дворянина, с детства готовили, как воина. Прадед вон, человек непоседливый, в молодости с отрядом наемников участвовал в походе на далекую северную страну, так там хитрые местные вояки заманили их на озеро, на лед, и оттеснили к месту, где со дна били теплые ключи. Под бронированными рыцарями лед проломился, однако прадед сумел в доспехах выплыть и даже не попасть в руки местных, которые на берегу дубьем добивали выбравшихся из воды обессиленных везунчиков. И даже не простыл тогда, хотя больше в подобных авантюрах не участвовал, одного раза хватило. Так вот, Аллен считал себя не слабее предка, того же ярмарочного бойца смог бы, появившись нужда, отделать даже без оружия, тут ведь важна не только сила, но и знание, куда и как бить. А вот после девчонки руки буквально плетью весели. Непорядок...

– Карен! Карен, чтоб тебя! – Моран широкими шагами двигалась к дому. – Опять спишь, старый перечник...

Из небольшого флигеля вышел, зевая, садовник. Ну да, спал, конечно, а что ему еще, спрашивается, делать? Не зелеными насаждениями же заниматься? Аллену категорически нравилось именно такое, полузапущенное состояние своего парка, и должность садовника в результате стала необременительной синекурой. Потому он и взял на нее одного из солдат своей дружины, ветерана, которому по какому-то выверту сознания нравилось возиться с цветами. Лет пять назад, упав с лошади, он сломал ногу, срослась она неправильно, и хромым воин превратился в обузу, но бросать своих Аллен не привык. Вот и взял садовником, ну и дополнительной охраной на всякий случай – пускай Карен не блистал особыми талантами и двигался теперь медленно, но воин всегда остается воином, и умение владеть мечом и стрелять из арбалета осталось при нем. Опять же, и потренироваться, пускай и не в полную силу, было с кем. Ну а год назад в городе поселился молодой целитель, который сумел хотя бы частично вернуть ноге Карена подвижность. Правда, деньги слупил немалые, но оно того стоило, экономить на своих людях – последнее дело, так учили предки, а они были мудры, и потому Аллен не собирался мелочиться.

Увидев происходящее, Карен, прихрамывая, зашагал в их сторону. Легко перехватив у Моран (не то чтобы она в этом нуждалась) девочку, он понес ее в дом, цыкнув на «собаку». Дракончик, что интересно, поспешил за ними – вообще, Аллен слышал, что эльфы иногда держат молодых драконов в качестве домашних животных, и сейчас был, похоже, именно такой случай. Вот только логичнее было предположить, что он будет следовать за младшей, чистокровной, а не за полукровкой. Впрочем, может, он просто почувствовал вкусный запах с кухни – готовила Моран великолепно.

Ну что же... Аллен повернулся к младшей из девочек. Та стояла с самым потеряннным видом, обеими руками вцепившись в корзину, ставшую ей, похоже, чем-то вроде якоря в этой суровой реальности. Интересно, боится или нет? По лицу эльфов никогда не знаешь, довольны они или на грани паники. Эта, конечно, еще молодая, и таким искусством самоконтроля, как взрослые эльфы, похвастаться вряд ли может, но пес их знает, чему и с какого возраста их учат. Вот повесил на себя проблему... Аллен вздохнул и присел на корточки, так, чтобы его глаза оказались на уровне глаз собеседницы. Росту он, конечно, был не великанского, но все же, как выражаются целители, выше среднего, а эльфийка, напротив,

оказалась невысокой и хрупкой, так что как раз получилось.

– Давай знакомиться, чудо. Я Аллен ап Дейн, барон Кассии. Можно просто Аллен.

Эльфийка несколько секунд смотрела на него, потом как-то обреченно вздохнула и ответила. М-дя... Две страницы убористым почерком. Все у ушастых не как у людей. Он, Аллен, удавился бы даже просто запоминать такое имя. Соответственно, и сейчас не запомнил – к чему держать в голове набор пустых звуков? Абсолютно бесполезная информация. Пришлось выдержать короткую паузу и спросить:

– А есть более короткий вариант? Ну, как тебя дома звали.

– Лиина.

– Ну, вот и познакомились. Есть хочешь?

Слабый, и, что характерно, без малейшего признака эльфийского высокомерия кивок. Ну да, кто бы сомневался... Аллен разогнулся, перехватил ручку корзины:

– Тогда пошли. Давай руку.

Девочка оглянулась, то ли думая, у кого найти поддержку, то ли ища дорогу, по которой можно убежать. Однако никого в поле зрения не обнаружилось, и она, вздохнув, осторожно взяла протянутую руку за кончики пальцев и с видом королевы, идущей на эшафот, гордо подняв подбородок, что выходило у нее достаточно комично, проследовала за Алленом.

Угу, кухня, огромная, теплая, как всегда наполненная вкусными запахами – хороший эшафот. Дракончик, кстати, уже освоился – лопал что-то в углу из громадной железной миски, больше напоминающей средних размеров тазик. Моран расстаралась, явно – у нее вообще мания кормить всех, причем много и вкусно. Интересно, кстати, почему она дракона в дом пустила? Логичнее было бы накормить его снаружи, у порога, собакам вообще в доме делать нечего... Впрочем, заниматься вывертами чужого сознания Аллен не собирался. Вместо этого он подвел нежданную гостью к столу, подумав мимоходом, что гневная отповедь за оставленные ею на блестящем от чистоты полу мокрые следы теперь обеспечена. Ну и ладно, не в первый раз. Однако гнев домоправительницы – это потом, пока же огромная тарелка исходящей паром каши, жареное мясо, овощи. Просто и сытно, а разносолами пускай Моран занимается.

Лиина набросилась на еду как оголодавший зверек. Видать, и правда давно толком не ела – обычно эльфы, как слышал Аллен, едят очень, просто невероятно жеманно и аккуратно. И вообще, трапезничать предпочитают в одиночку, наверное, чтобы никто не видел, как они едят безо всяких аристократических наворотов... При этой мысли Аллен даже улыбнулся, однако додумать ему не дали. В кухню заглянула Моран, подошла, посмотрела на замершую с так и не поднесенной к губам ложкой девочку, грустно улыбнулась:

– Кушай, деточка, кушай, – огромная рука провела по волосам эльфийки, от чего та испуганно сжалась. Аллену пришло на ум, что кулак домоправительницы, пожалуй, будет не меньше этой головы. – Аллен, пойдем, не смущай ее.

Своим, тем, кого он знал много лет, такое фамильярное обращение было позволительно. А то ведь от постоянного титулования и взвыть можно. Тем более позволительно для Моран, знавшей Аллена с пеленок. Барон кивнул, и они вышли из кухни. Едва закрылась за спинами дверь, и они отошли на десяток шагов, Аллен тихим голосом спросил:

– Что там случилось?

– Пошли, сам увидишь.

Аллен пожал плечами. В отличие от большинства дворянских слуг, у его людей было право на вольности, в том числе и на собственное мнение, и если Моран решила, что ему

лучше один раз увидеть, значит, так оно и есть. Быстрым шагом пройдя в гостевую комнату, Аллен взглянул... Да уж, действительно, подобное лучше видеть самому.

Полуэльфка выглядела не просто истощенной – фактически перед ним лежал обтянутый кожей скелет. Непонятно, как она еще была жива, но хриплое дыхание говорило об обратном. Плюс многочисленные струпья – ну, это следствие того, что она вечность не мылась. Запах, во всяком случае, соответствующий, а еще говорят, что эльфы не потеют. На боку рана, до этого перетянутая какими-то тряпками, но Моран, раздевая ее, содрала повязку, и сейчас они неопрятной грудой валялись на полу. Нанесена рана каким-то режущим предметом, ножом или, возможно, мечом. Правда, он только скользнул по ребрам, это Аллен понял сразу, но порез воспалился. Словом, досталось девчонке, и понятно, что просто так она не выздоровеет. По сути, она уже умирала, и даже удивительно, как там, на рынке, она ухитрилась не только оставаться в сознании, но и разговаривать.

– Зови целителя, – Аллен умел думать быстро и решение при нужде принимал мгновенно.

– Я уже послала Карена, – Моран в его решении, очевидно, не сомневалась, что и неудивительно. За столько лет изучить его характер вдоль и поперек было несложно. – Только она ведь...

– Откуда знаешь? – Аллен мгновенно подобрался.

– У нее на шее висел амулет, – Моран достала из кармана маленькую серебряную безделушку. Аллен присмотрелся – изящно сработано, ничего не скажешь. В этом все эльфы, даже самая функциональная вещь у них должна быть в первую очередь красива. Амулеты людей при тех же возможностях значительно грубее, а, к примеру, орочи шаманы могут запросто использовать в качестве основы, к примеру, ожерелье из волчьих клыков или, как вариант, ушей. Но все равно красиво! В изящное серебряное плетение вставлен зеленый лист березы, совсем как живой, видна каждая прожилка и, вместе с тем, твердый словно камень. Интересно даже, из чего он сделан, хотя сейчас это занимало Аллена в последнюю очередь. – Я сняла – и все стало видно.

– Понятно. Я видел и раньше. Думаю, ничего страшного, хуже не будет. Без целителя она просто умрет.

Моран кивнула, соглашаясь с бароном, и быстрым шагом направилась на кухню. Похоже, она не особенно жаждала оставлять без присмотра юную эльфийку в компании дракона. Доброта добротой, но если они на кухне чего-нибудь разобьют случайно, то виновникам придется испытать на себе гнев великанши. А что надо, чтобы этого не было? Правильно, всего-то присмотреть за ними.

Целитель приехал где-то через полчаса – все же жил он далековато. Карен встретил его у ворот, ловко взял под уздцы лошадь – охранные заклинания хорошо знали гостя – и провел ее к дому, где маг ловко спешил и быстрым шагом вошел в помещение. Он был еще молод, быстр и, в отличие от более маститых коллег, не чурался выезжать сам, причем вот так, верхом. Это какого-нибудь старика с громким именем, седой бородой и толстым брюхом просто так из дому не вытащишь. Вам надо – вы и приходите, вот девиз гильдии целителей. Однако этот, вчерашний ученик, успел набраться знаний, чуть поменьше опыта и совсем мало жизненного цинизма. Опыт вкупе с неплохим заработком здесь, в провинции, где конкуренцию ему могли составить разве что несколько травников, маг приобретал стремительно, а вот цинизм... Не тот у него оказался характер, во всяком случае, пока, и потому он оставался легок на подъем. К тому же с Алленом, после того как он сумел

поправить ногу садовнику, у него установились приятельские отношения – оба были фанатики оружия и знали толк в винах, так что периодически на заднем дворе звенели мечи, а потом, когда это, по словам Моран, безобразия заканчивались, хлопала пробка и раздавалось смачное «бульк».

– Привет, твое высокородие, – улыбаясь во все тридцать два зуба, маг хлопнул рукой по протянутой ладони Аллена. – Ну, где у нас больной?

– Скорее уж, больная, – хмыкнул барон.

– Да ну! Наш ревнитель моральных устоев решил, наконец, завести себе подругу?

Аллен поморщился. Одним из недостатков целителя был острый язык. Нет, когда надо, тот умел держать его за зубами, но в узком кругу за речью не особенно следил, время от времени посмеиваясь над приятелем. Барон, в отличие от большинства обеспеченных дворян, не таскал в дом женщин, предпочитая ходить на сторону, и, на всякий случай, делал это втихую даже от близких людей. Те это прекрасно знали и к привычкам барона относились спокойно, только целитель над этим периодически смеялся. Впрочем, Аллен принимал его таким, какой есть.

– Какая там подруга, – барон досадливо махнул рукой. – Пошли, сам увидишь. Но я тебя прошу, о том, что увидишь – ни слова.

Целитель разом посерьезнел и кивнул. В жизни встречается разное, бывает и такое, о чем знать и впрямь может оказаться вредно для здоровья. Ему уже, как это точно знал Аллен, приходилось лечить и раненых из гильдии убийц, и даже крупную шишку из столицы, который ухитрился, путешествуя по их местам, подхватить какую-то позорную болезнь. Узнай об этом его жена... Аллен мысленно усмехнулся. Гильдия убийц в такой ситуации отнюдь не самое страшное. Так что какие бывают заказы и насколько щедро они оплачиваются, маг знал не понаслышке. И все равно, войдя в комнату и увидев, кто лежит на кровати, он присвистнул.

– Это же...

– Наполовину.

– Я вижу. И все равно лихо.

Действительно, лихо. Это он еще не знает, как она сюда попала. Эльфы своих в обиду не дают, это общеизвестно. Там, у себя, они могут делиться на кланы с собственными интересами, возможностями и даже вендеттами, но по отношению к иным расам они – единый народ, и каждый может надеяться на помощь другого. И полукровок они тоже не сдают – мало ли, что не полноценная, но все равно родня. И без помощи не бросят, и обидчика на ломтики разрежут. Так что увидеть умирающую полуэльфийку в доме никому не известного и по большому счету ненужного провинциального дворянина – это уже, скорее, из области сказок.

Между тем целитель снял камзол, небрежным движением бросив на пол саквояж – все равно ничего особо ценного или хрупкого в нем не было, разве что набор хирургических инструментов, но они закреплены наглухо и уложены в специальный ящичек с мягкими гнездами. Да и редко целители пользуются всем этим, главный инструмент мага – он сам, хирургией занимаются в основном армейские спецы, у них и класс пониже, в смысле магических сил меньше, и времени на сложное и долговременное лечение, как правило, нет. Вот и лечат при помощи инструментов, используя магию лишь для предупреждения осложнений и, реже, диагностики. Здесь же присутствовал дипломированный специалист, не мастер еще, конечно, но хороший профессионал и сильный маг, и сейчас он аккуратно

водил руками над телом лежащей и получал информацию об ее организме. Очень полную информацию, кстати, хороший целитель знает о пациенте больше, чем он сам. Кстати, получалось это у него куда медленнее, чем обычно, и сил требовало больше – вон какие крупные капли пота выступили на лбу. Все правильно, организмы эльфов хоть немного, но отличаются от человеческих, удивительно даже, как эти две расы общих детей-то иметь ухитряются.

Целитель работал минут пять, Аллен успел даже заскучать. Правда, в какой-то момент скука разом закончилась – тело девочки выгнулось дугой, и пришлось навалиться сверху, удерживая ее. Целитель буркнул что-то вроде «хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается», потом выпрямился, потянулся так, что хрустнули суставы:

– Знаешь, если бы заказчиком был не ты, а кто-нибудь другой, я бы не взялся, – мотнул он головой. – Паршивенькое состояние, честно говоря. Крайнее истощение, плюс сильный бронхит. Как не перешел в воспаление легких, ума не приложу. Ну и рана, но это так, мелочи. Если бы она не была эльфийкой... Ну, пусть наполовину, я бы решил, что ты подобрал ее на помойке.

– Считай, не ошибся, – усмехнулся Аллен. – И, честно говоря, уже жалею об этом.

– Да? Это еще интереснее. Впрочем, сейчас все это неважно. Значит так, рану я девочке немного подчистил, но надо будет следить за ее состоянием. Если что – звать меня сразу же. То же с болезнью. Процесс лечения запустил, но нужен постоянный контроль. Вот, – целитель раскрыл саквояж, вытащил из его таинственных недр дюжину пакетиков, черкнул на бумаге пару строк и протянул все это добро Моран. – Давать, как я написал. Тепло – это обязательно. То есть горячий камин и одеяло, это как минимум. А теперь главное. Кормление. Она не ела минимум пять дней. Значит, желудок ее не примет ничего грубого. Бульон, лучше куриный, маленькими порциями, но часто, а там видно будет. Я буду приходить, корректировать лечение. Да, и вымойте ее, в грязи она не выздоровеет.

– Спасибо, Элтон.

– Да не за что пока, – усмехнулся целитель, но протянутый Алленом кошелек взял. – Неизвестно, что у нас получится.

Аллен пожал плечами. Получится, не получится... Что зависело от него, барон обеспечил, а дальше и в самом деле видно будет. Распрощавшись с обещавшим зайти вечером целителем, он протопал на кухню, однако Моран, умчавшейся сразу после того, как Элтон выдал ей лекарства, там не было. Видать, пошла уже свою новую подопечную селить. Интересно, куда – хотя особняк баронов Кассии и не дворец, но гостевых комнат в нем штук пять, не считая комнат для прислуги, ныне пустующих, и всевозможных помещений вроде библиотеки. Однако Моран сама разрешила его сомнения, появившись в коридоре.

– Ну, как, ушел?

– Ушел. Тетя Моран, тебе не кажется, что девчонка подождет?

– Подождет, конечно, только вначале кое на что взгляни, ладно?

Пожав плечами, Аллен вошел следом за домоправительницей в ближайшую гостевую комнату и сразу понял, что она имеет в виду. Лиина в одной длинной, до колен, грязной рубашке, с потерянными сидела на высоковатом для нее стуле, ее старый и драный свитер валялся в углу вместе с курткой, а на шее... Да, на шее имелись сразу две занимательные вещицы, ранее скрытые мешковатой одеждой и Алленом не замеченные. Первая – амулет. Ну, это как раз ожидаемо. Правда, внешне он выглядел совсем иначе, чем снятый с шеи ее спутницы. У той красивая безделушка на грубом кожаном шнурке, у этой –

обычный камень с ноготь величиной, больше всего похожий на слегка отполированный, чуть поблескивающий кварц, зато вместо шнурка изящная серебряная цепочка. Однако амулет – ерунда, гораздо интереснее и неожиданнее выглядел второй предмет – широкий, наглухо заклепанный металлический ошейник с коротким, на два звена, обрывком цепи. И как это прикажете понимать?

Впрочем, сейчас было не до лишних вопросов и, отправив Моран заниматься больной, Аллен внимательно осмотрел железяку. Ничего, кстати, неожиданного, обычный рабский ошейник, низкосортное железо, такие же сыromятные заклепки, прочность достигается не качеством металла, а его толщиной. Интересно, как она такую тяжесть таскает... Подумав немного, Аллен сходил за инструментом, которого у Карена было много и разного. Выбрал две подходящих железяки, вставил... Рывок! Заклепки с хрустом смялись и вылезли из дыр, к которым успели основательно приржаветь. Еще рывок! Ошейник распался на две неаккуратные половинки, открыв взору грязную детскую шею с неприятного вида шрамом, ничем, правда, жизни и здоровью своей хозяйки не угрожающему. И все же какая сволочь такое сделала, интересно бы знать.

Под его испытующим взглядом девочка съежилась и попыталась вжаться в спинку стула. Интересно, чего она боится, отстраненно подумал Аллен. Хуже вроде бы уже не будет... Впрочем, спрашивать он не стал – в таком состоянии ребенок от малейшего вопроса может запросто впасть в неконтролируемую панику, и ничего, кроме проблем, это не принесет. Любопытно, конечно, до зуда в ушах, но хоть торопливость и входила в число недостатков барона, он умел держать ее под контролем. Лучше чуть-чуть подождать, когда она сама созреет, чем устраивать моральную пытку и вытягивать сведения клещами. Сил затратишь много, а толку будет чуть, тем более неизвестно, где она соврет. Все же Аллен не был королевским дознавателем, умеющим сопоставлять полученную информацию и ловить собеседника на неточностях, выстраивая из кусочков целостную картинку. Да и те, говорят, ошибаются – вон, по слухам, когда в столице раскрыли последний заговор, кроме виновных казнили и кучу ни в чем неповинного народу. Не признались, конечно, ибо нельзя терять лицо, считается, что за подобные ошибки в ответе и сам король, но всем рты-то не заткнешь. Так что никто от ошибок не застрахован, и потому Аллен решил пока не торопить события. При свойственной молодости нетерпеливости, он хорошо помнил слова отца, большого любителя женского полу: лучше час подождать, чем всю ночь уламывать.

– Располагайся здесь. Пока это будет твоя комната, а дальше поглядим. Эту дрянь, – Аллен кинул раскрытый ошейник на стоящую у кровати тумбочку, – можешь сохранить на память. Сейчас придет Моран, подберет тебе какую-нибудь одежду. Только вымойся сначала, а то от тебя разит помойкой. А я пока займусь твоей спутницей. Кстати, кто она?

Аллен несколько секунд ждал ответа, но, так и не услышав его, повернулся и вышел. В конце концов, не хочет говорить – не надо, все равно рано или поздно он узнает все, что хочет.

Целитель вновь появился в их доме ближе к вечеру. Поднялся к больной, поводил над ней руками, сделал удивленное лицо:

– Невероятно.

– Что именно? – Аллен с интересом посмотрел на приятеля.

– Если бы я сам не осматривал ее днем, то сказал бы, что лечат ее как минимум дня три. Наверное, правы были те, кто считал, что...

Дальше пошла абсолютно непонятная, узкоспециализированная терминология, но

Аллен сумел разобрать, в чем смысл речи Элтона. Все тот же ускоренный обмен веществ не только помогает быстрее двигаться, но и позволяет, в зависимости от ситуации, легче выздороветь или умереть. Правда, это все была, скорее, теория – ну, спрашивается, какой перворожденный, даже полукровка, допустит, чтобы его наблюдал человеческий маг? В истории такие случаи, конечно, случались, но в глубокой древности, когда на континенте прокатилась череда войн между эльфами, почему-то считавшими все эти земли своими, и людьми, не желающими признавать себя рабами. Все остальные расы, даже тупоумные тролли, забились по углам и не отсвечивали, в страхе наблюдая за разворачивающимися вокруг битвами. Лишь к концу войны некоторые из них поспешили урвать свой кусок, присоединившись к победителям. Тем самым они заработали ненависть одних и молчаливое презрение других, ничего серьезного не выгадав, так что влезать в чужой конфликт в конечном итоге оказалось глупостью, хотя в тот момент это, наверное, выглядело несколько иначе.

Да уж, времена были жестокие. Эльфы даже сейчас хорошие бойцы, хотя, конечно, и многое утратили, а в те времена и вовсе... Люди брали числом и звериной яростью, разменивая бойцов три к одному. А еще они быстро учились, и если в начале войны попав под удар сидящих в засадах эльфийских лучников, бывало, гибли целые легионы, то уже через пару лет тактика борьбы с этой напастью была отработана, и потери снизились в разы. Зато сами эльфы испытали на себе, что такое летящие из кустов стрелы. Человеческие рейнджеры научились ходить по лесу, маскироваться и стрелять не хуже эльфов, и пусть их было намного меньше, панику они навели и прочно вошли в эльфийский фольклор персонажами страшных историй, которыми пугают детей. Этот факт был доподлинно известен и служил для рейнджеров источником не проходящей гордости. А ведь кроме рейнджеров имелись и другие рода войск, которые тоже вносили свою лепту, медленно и неуклонно перемалывая грозных, но относительно малочисленных противников.

Словом, люди учились сражаться, а вот до эльфов тот факт, что надо не только гордиться первородством, но и перенимать опыт противника, дошел слишком поздно. К концу войны у них, конечно, появились и тяжелая конница, аналог человеческих рыцарей, и панцирная пехота, но их было мало, а главное, тактику применения новых для себя родов войск эльфы так и не успели отработать. Люди уже проломились в центр их лесов, брали в осаду города, изящные постройки рушились под ударами катапульта и баллист, а маги и вовсе творили, что хотели. У людей достало ума объединить их в ударные подразделения, а вот эльфы оставались индивидуалистами до самого конца, что их, в принципе, и подвело. Ты можешь быть сильнее и искуснее любого противника, но когда против одного мага выходит десяток, то шансы на победу начинают быстро скатываться к нулю. Именно в ту войну и был выбит цвет эльфийских магов, и их легендарной мощи уже никогда не суждено было возродиться.

Эльфы запросили мира, когда контролируемая ими территория сократилась почти в десять раз, и больше половины городов превратились в подернутые серым пеплом уголья. Люди к тому моменту тоже пресытились кровью и грабежами, а их правители хорошо понимали: если война продолжится, они, конечно, победят, но и потери будут чудовищными. Припертые к стенке, эльфы сражались, как загнанные в угол крысы. На жизнь простых солдат королям было, разумеется, наплевать, однако два момента им не нравились. Во-первых, кроме эльфов имелось немало других рас, которые, разумеется, захотят откусить свой кусок пирога, когда люди окажутся обескровлены, а во-вторых, в те далекие и славные

времена, у королей было принято не только руководить сражением с безопасного холма в тылу, но и лично возглавлять атаки. Следовательно, риск получить эльфийскую стрелу для самих королей возрастал многократно, а отсиживаться позади значило потерять всякую популярность в войсках. В такой ситуации любой удачливый полководец мог запросто попросить короля с трона и основать новую династию – случались прецеденты. Словом, постояли, оружием побряцали, контрибуцию слупили – и заключили мир, хрупкий, но продержавшийся уже больше тысячи лет. И даже постоянные конфликты с размахиванием оружием между людьми и эльфами носили локальный характер и ни во что серьезнее пограничных стычек не перешли. Правда, в последнюю сотню лет остроухие, оправившись от поражения и частично восстановив свою численность, обнаглели. Аллен, подобно многим провинциальным дворянам, считал, что давно пора снова показать, кто в доме хозяин, однако король почему-то медлил. Видать, имелись какие-то недоступные простым людям соображения, однако, по всему выходило, что рано или поздно снова начнется война.

В те далекие, ставшие уже практически легендарными времена, человеческие маги эльфов как раз исследовали, причем всерьез. Другое дело, что и уровень развития теории магии был, по сравнению с нынешним, крайне низок, и маги, изучавшие эльфов, целителями не являлись. Боевые маги, маги-солдаты, они интересовались способами умерщвления противника, и, соответственно, оставленные ими записи содержали сведения крайне скудные и однобокие. Так что Элтон, склонившийся над эльфийкой, пускай даже и с приставкой «полу-», оказался в положении дилетанта. К этому целитель не привык, и потому очень раздражался, однако в глазах его пылал огонек любопытства и азарта. Сейчас перед Алленом сидел не прожженный делец и не циничный, как и положено при такой профессии, целитель, а переполненный энтузиазмом мальчишка, не забывший еще студенческую вольницу и уверенный, что сможет, случись нужда, перевернуть мир.

– Ну и что, это плохо? – небрежно поинтересовался Аллен. – Вроде бы чем быстрее идет лечение, тем лучше.

– Не факт, совсем не факт, – пробормотал под нос, скорее, больше для себя, целитель.

– Почему? – Аллену было интересно, однако он хорошо знал собеседника. В таком состоянии информацию из Элтона приходилось едва ли не клещами вытаскивать. Вроде бы он ничего не скрывал, просто уходил в собственные мысли, и не особенно жаждал реагировать на внешние раздражители.

– Потому что впятеро быстрее восстанавливаясь, ее организм во столько же, если не больше, раз быстрее сжигает собственные резервы. А от нее и так остались кожа да кости, – неохотно отозвался Элтон. – Ее собственные силы расходуются намного быстрее, чем их придает та еда, которую вы в нее влили. Если так пойдет дальше, она просто не выдержит. И я не знаю, можно ли ее подпитывать магией.

– Можно.

Элтон удивленно поднял глаза на безмятежно привалившегося к дверному косяку барона:

– Откуда ты знаешь?

– А что тут знать? Ты запустил процесс лечения с помощью собственной магии – и девочка ее не отторгла. Это во-первых. А во-вторых, терять все равно нечего. Если не подпитать, она умрет через несколько часов. Я от целительства далек, но и то вижу, что сил у нее практически не осталось. А если подпитать... Может, получится, а может, нет, но в любом случае хуже не будет.

– Цинично... Однако же верно. Зря ты говоришь, что в целительстве не разбираешься. Многие, считающие себя очень умными, при более простых вопросах лишь сидели и хлопали глазами.

– Книги надо читать, – Аллен с трудом подавил зевок, сегодня он очень устал. – Ну как, будешь действовать или продолжишь языком молоть?

– Буду, – Элтон размял кисти, всплеснул ими, словно отряхивая с пальцев невидимые капли. Была у него такая привычка, Аллен не знал, из-за чего, а Элтон, сколько он его не расспрашивал, лишь отшучивался. – Выйди, пожалуйста. Мне надо сосредоточиться, а ты меня отвлекаешь.

Аллен удивленно поднял бровь, но спорить не стал. Раньше Элтон никогда не просил его выйти, но все бывает впервые. С эльфами он тоже никогда не работал. Пришлось кивнуть и покинуть комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Подумав немного, Аллен пошел в гостиную, плюхнулся на мягкий, чуть потертый кожаный диван, несколько секунд смотрел на пляшущие в камине язычки пламени, а потом как-то незаметно провалился в странное, между сном и явью, оцепенение.

Разбудил его Элтон, вошедший в комнату с шумом, которому позавидовал бы даже носорог. С первого взгляда было видно, что вымотался он страшно – белая рубаша целителя потемнела от пота, щеки ввалились. Не спрашивая, он достал из стенного шкафчика первую попавшуюся бутылку, налил вино в огромный бокал из тонкого стекла, обнаруженный там же, и даже не выпил – всосал его, характерный звук разнесся по всей комнате. На всегда достаточно аккуратного и следящего за своими манерами целителя это было совершенно не похоже. Тут же набулькав еще, он плюхнулся в кресло и некоторое время сидел молча, задумчиво глядя сквозь сосуд на перекатывающиеся в камине с полена на полено голубоватые огненные всполохи.

– Задал же ты мне задачку, – проворчал он спустя несколько минут. К тому моменту неестественная бледность немного сошла с его лица, хотя щеки розоветь пока не спешили. – Нашу магию она не отторгает, ты прав, зато втягивает ее, как водоворот щепку. Однако же, если не умрет сегодня ночью, то будет жить. Может, все-таки расскажешь, где ее подобрал?

– Говорю же, на помойке. Милостыню просила.

Брови Элтона полезли вверх так высоко, что скрылись под волосами. Ошалевшее лицо собеседника Аллен рассматривал с нескрываемым удовольствием, однако целитель быстро справился с собой.

– Ты понимаешь, чем это может грозить? – думать Элтон умел быстро. Аллен только кивнул – еще бы не понимать. За девчонками какая-то тайна, и эльфы, узнав где они находятся, постараются зачистить концы хотя бы для того, чтобы никому не пришла в голову мысль, что на перворожденную можно надеть рабский ошейник. Это при условии, что сами не будут посвящены в причины их появления в качестве нищенок. Это целитель еще про вторую не знает, злорадно подумал барон.

Между тем Элтон замолчал, пожевал губами, став на миг похожим на умудренного жизнью старца, вздохнул:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Не уверен, – честно ответил Аллен.

– Кхе... – Элтон едва не подавился. – Я всегда подозревал, что ты дурак, но не предполагал, насколько. Сам вляпался – и меня втравил. Хоть дашь за ней понаблюдать? Это же такой материал...

– Честно говоря, я надеялся, что ты не откажешься сделать это, – ухмыльнулся барон. – На ужин останешься?

– Не знаю.

– Если останешься – удивлю еще раз.

Разумеется, Элтон остался. И, разумеется, Аллен сдержал данное целителю слово. Тот минут пять сидел прямой, как столб, рассматривая Лиину, и глаза у него, казалось, висят на стебельках, как у рака. Девочку такое внимание нервировало, и Аллену пришлось двинуть товарища локтем в бок, чтобы привести в чувство. Тот едва не упал от неожиданности, и лишь Моран, подперев целителя могучим плечом, спасла его от конфуза.

Да уж, увидь какой-нибудь столичный умник их пеструю компанию, наверное, удивился бы несказанно. Причем удивился бы не тому, что рядом с бароном сидит целитель – тот не был дворянином, но маги приравниваются к благородным, и привечать их не зазорно. Малолетней эльфийке, возможно, удивились бы, но не очень, бывает всякое. А вот присутствие за столом Моран и Карена вызвало бы вначале удивление, а затем презрение. Для столичного сноба оказаться за одним столом с простолудином относится к разряду невозможного, там они даже в одни трактиры не ходят. Вот только здесь не столица, в провинции на многое смотрят проще и циничнее, хотя и здесь иной раз появляются ревнители дворянской чести. С одним таким Аллену даже пришлось как-то драться на дуэли, правда, несерьезной, до первой крови. Аллен тогда заработал царапину на плече – по молодости не справился, опыта не хватило, однако менять свои привычки не собирался. Одно дело парадный прием, там хочешь не хочешь, а этикет блюсти надо, но как себя вести в домашней обстановке было только его дело. Вот и сидели они сейчас все вместе, и ели, вкусно, с аппетитом, и не обращая внимания на этикет. И гостья относилась к этому спокойно, даже не обращая внимания на то, что ей не подали в сервировке положенные по этикету пять вилок.

Одно хорошо – шею ей Элтон залечил без усилий. Как он сказал, рану нанесли чем-то острым, может, ножом, а потом ее натерло ошейником. Ерунда, в принципе, зажило бы само, но ему не терпелось проверить, как магия людей подействует на чистокровную эльфийку. Получилось, надо сказать, неплохо, и Аллен смог воочию увидеть, как целители лечат раны – до того как-то не было повода. Интересное было зрелище, эффектное. Мягкое желтое сияние, исходящее от рук Элтона, коснулось шеи, и уродующая кожу отметина на глазах побелела, а затем и вовсе исчезла. Девочка, вначале испуганно сжавшаяся, к концу длившейся минут десять процедуры расслабилась, залезла к целителю на колени и разве что не замурлыкала, как кошка. Идиллия, одним словом. А уж когда маг заставил куриные косточки сплясать на столе разухабистый южный танец, то и вовсе завладел сердцем ребенка. Подобные мелкие фокусы, по слухам, были у эльфов под запретом. Почему? Да кто ж их, остроухих, разберет. А вот человеческие маги, обычно ученики, напротив, частенько развлекали таким образом детей, и сейчас это было как раз к месту.

Меньше всего впечатления на целителя произвел, как ни странно, дракончик. Даже когда Лиина по его просьбе сняла с шеи зверя ошейник из какого-то непонятного, полупрозрачного материала, и стала видна его суть. Элтон лишь покачал головой, небрежно почесал зверя за ухом и потерял к нему интерес. Почему, Аллен так и не понял, да и не старался особо понять. Наверное, целитель интересовался только людьми, а к дракону отнесся как, например, к щенку – большому, неуклюжему, с которым можно поиграть, но только если рядом нет ничего интереснее. Так что на дракона снова надели ошейник и

отправили его гулять, а через некоторое время и сам Элтон, проверив еще раз состояние больной, засобиравшись, сказав, что ему надо отдохнуть и подумать. Ключющую носом эльфийку отправили спать, а потом разошлись и остальные – сегодняшний день вымотал всех.

Ночью Аллен проснулся от странного, непривычного звука. Проснулся резко, моментально перейдя от сна к яви, так, как учил отец. Несколько секунд он лежал, пытаюсь сообразить, что же это, и лишь потом до него дошло, что это плач. Самый обычный детский плач, искаженный многочисленными стенами. И слышал он его, похоже, один – Моран спала в другом крыле дома, рядом с кухней, а Карен и вовсе гнездилась во флигеле. Он так храпел, что даже в соседней комнате ночью спать было мучением, вот его и отселили, чему он и сам был рад. Во всяком случае, если садовник ночами отправлялся на прогулку к какой-нибудь смазливой белошвейке или кухарке, никто на него не ворчал. Аллен к похождениям слуги относился спокойно, не мешает – и ладно.

Между тем плач не прекращался, а потом к нему добавилось попискивание и скрежет, будто кто-то скребся в дверь когтистой лапой. Проклятие. Этот недоделанный дракон, оставленный ночевать в коридоре, похоже, в меру своих сил пытался открыть дверь в комнату больной.

Все, конец сну. Аллен выбрался из-под одеяла, накинул тяжелый мягкий халат и вышел из комнаты. Ну да, так и есть, дракончик сидел у закрытой двери, и его когтистая лапа успела оставить на толстой, хорошо подогнанной и отполированной доске глубокие царапины. При появлении хозяина дома он повернул голову и издал странный то ли писк, то ли шипение. При этом морда его стала уморительно печальной, хотя вроде бы плотная чешуя не должна ничего выражать. А плач, что интересно, доносился из-за этой двери...

Отодвинув ногой зверюгу (дракончик зашипел, но укусить не пытался), Аллен открыл дверь и, ловко блокировав попытку дракона проникнуть внутрь, зашел сам и плотно закрыл ее за спиной. Внимательно осмотрелся, благо луна, заглядывая через неплотно задернутые шторы, освещала комнату неярким желтовато-голубым светом. Ну да, вот он, источник звуков. Рыжая эльфийка сидела на полу рядом с больной и всхлипывала, как плачут любые дети любого народа, когда уверены, что их никто не видит. На появление Аллена она никак не отреагировала, возможно, даже не заметила его.

Мягко ступая, барон подошел, склонился над кроватью. Вроде бы без изменений, больная лежала, закрыв глаза, и, судя по мерно вздымавшемуся одеялу, каких-либо серьезных изменений с ней не происходило. Аллен вздохнул, подошел к Лиине и склонился над ней:

– Ну, что происходит, крошка?

Вместо ответа девочка вдруг обхватила его руками за шею и зарыдала еще сильнее, обильно поливая слезами халат. И что теперь, спрашивается, с ней делать? Аллен вздохнул – опыта в отношении детей у него не имелось в принципе, хотя, возможно, где-то и были уже бастарды. Пришлось действовать по наитию – поднять эльфийку на руки и отнести девочку обратно, в ее комнату. Дракон, вот ведь ушлая зверюга, проник все-таки в комнату, ужом просочившись между ног барона, однако выгонять его не было никакого желания. Демоны с ним, пусть сидит, тем более что тот улегся на коврик у изголовья кровати и вроде бы успокоился. А Лиину пришлось уложить, накрыть одеялом, да еще пообещать, что он будет рядом, а то ей, видите ли, страшно. В общем, слово он сдержал, вырубившись, наверное, раньше девочки. В таком виде, сидящим на полу привалившись к кровати, его утром и застала Моран.

– Жениться тебе надо, барин, – иронично прокомментировала она, растолкав Аллена. – Своих детей заводить...

Барон лишь хмыкнул, с трудом распрямляясь – затекшая от неудобной позы спина болела и упорно не хотела слушаться. Хорошо, Моран, женщина сообразительная, помогла, и лишь потом занялась проснувшейся и недоуменно хлопающей глазами Лииной. Начинался новый день...

Больная пришла в себя только на третье утро и сразу же выхлебала у Моран все запасы клюквенного морса. И куда в нее, спрашивается, столько влезло? Аллен, сам любитель этого напитка, предпочитавший его даже вино, лишь крикнул уважительно и, как договаривались, послал садовника за Элтоном. Целитель приехал очень быстро, и его появление вызвало у лежащей только легкое удивление. Впрочем, очень быстро она вновь отключилась, но это было уже не беспамятство, а обычный сон. Тяжелый, глубокий, но все же сон и, как сказал целитель, она пошла, наконец, на поправку.

Еще через три дня больная – ее, кстати, звали Ирма, и никаких многосложных имен она не имела, что наводило достаточно начитанного Аллена на определенные размышления – уже сидела с ними за столом, поглощая все, до чего могла дотянуться. Только головой периодически встряхивала – волосы, иссиня-черные у корней, где они успели отрасти и не были окрашены, упорно не хотели лежать ровно и лезли в глаза, но это было единственным, что замедляло процесс насыщения. Заметно было, что остатки воспитания борются с голодом, но проигрывают ему с огромным счетом. Аллен последнему ничуть не удивлялся – на Ирму до сих пор нельзя было смотреть без жалости. Девочка исхудала настолько, что казалась полупрозрачной, однако Элтон утверждал, что ничего страшного в этом нет, и барон склонен был ему верить. Моран же и вовсе лишь улыбалась, сказав, что были бы кости, а мясо нарастет. Так что сидели обе приبلудившиеся девицы, наряженные в сохраненные хозяйственной Моран детские шмотки Аллена, и с аппетитом ели. Остальные тоже старались не отставать, а то при столь прожорливых соседях в два счета можно было остаться голодными, и в результате обед закончился в рекордно короткие сроки.

Когда стол опустел, наступила тишина. Аллен сидел, осторожно лаская в ладонях бокал с подогретым вином – на улице сегодня было редкостно сыро и мерзко, в такую погоду горячее красное вино со специями именно то, что нужно. Остальные молчали – все же барон оставался здесь хозяином, и право начать разговор принадлежало ему. Честно говоря, сам Аллен не знал, с чего начать. Не умел он вести подобные дискуссии, расспрашивать, а по сути, допрашивать перворожденных – это вам не с купцами торговаться. Тем не менее никто не спешил прийти ему на помощь в столь щекотливой ситуации, и по всему выходило, что расхлебывать кашу придется тому, кто ее заварил. Вздохнув, Аллен собрался, наконец, с мыслями, и начал:

– А теперь, девушки, я жду, когда вы поведаете нам свою историю.

«Девушки», одну из которых можно было так назвать разве что с огромной натяжкой, а вторая и вовсе не доросла даже до этого, синхронно переглянулись, уперлись взглядами в пустые тарелки и замерли, будто оглобли проглотили. Ну что же, ожидаемо. Аллен вздохнул:

– Девочки, успокойтесь. Давайте откровенно. Мне лично все равно, почему вы, вместо того, чтобы сидеть в своих дворцах, попрошайничали на рынке. Больше того, я не собираюсь требовать с вас чего-либо за помощь. Не потому, что такой благородной, а потому, что с вас взять нечего. Честно говоря, помогать кому-либо просто так не в моих правилах, но будем считать, что меня одолел внезапный приступ доброты и сострадания. Так что, если хотите,

вы можете уйти прямо сейчас, хотя я рекомендовал бы подождать до ночи. Амулеты при вас, из города выберетесь... Но если хотите остаться, все равно придется мне рассказать, как вы дошли до жизни такой. Судя по всему, у вас серьезные неприятности, и под удар, нацеленный на ваши головы, могут случайно угодить те, кто рядом. Я не хочу зря рисковать ни собственной шкурой, ни жизнями близких мне людей, поэтому мне надо знать, к чему готовиться, если я вдруг наберусь благородства и решу вас защищать. Выбор за вами.

С этими словами Аллен откинулся на спинку стула в ожидании ответа. Остальные последовали его примеру, и девочки, оказавшись под прицелом четырех пар глаз, чувствовали себя неуютно. Наконец они переглянулись, младшая кивнула, и полукровка медленно, словно подбирая слова, начала рассказ.

Когда началась вражда между кланами Белых Ястребов и Снежных Бабочек, сказать трудно. Самые ранние из сохранившихся хроник датируются восемью сотнями лет до Большой Войны, в которой сила эльфов впервые дрогнула, а затем пала под железной пятой объединенных армий человеческих королевств. Возможно, когда-то имелись и более ранние сведения, но библиотеки хорошо горят, а люди, помимо прочего, оказались умны и попытались лишить эльфов не только сил, но и прошлого. Кто-то, скорее всего, особо могучий и ушлый маг, хорошо знал, что у забывших свое прошлое нет будущего, и сумел донести эту мысль до остальных. В результате многие хроники, которыми так гордились эльфы, были утеряны, но кое-что им все же удалось сохранить. Борьбе между двумя этими не слишком влиятельными кланами уделено было не так много строк, и до истоков вражды докопаться было сложно. Да никто, по чести говоря, и не пытался. Молодым, а они после тех поражений, которые понесли эльфы в войне, с годами составили абсолютное большинство в эльфийском обществе, казалось уже, что вражда эта была всегда, едва ли не с сотворения мира. Кто знает, может, так и было, и потому извечное противостояние уже не имело шансов закончиться иначе кроме как полным уничтожением одного из кланов. Так оно и длилось, то затухая, когда эльфы были вынуждены объединяться против внешних противников, то вспыхивая с новой силой, и тогда в местах стычек оставались лужи крови, а то и свежие трупы. Словом, процесс шел в полном соответствии с древними эльфийскими традициями, и был столь же привычен, как восход солнца или осенние дожди.

Однако традиции традициями, а однажды нашелся умный эльф, который сумел оглянуться назад, посчитать убытки и прийти к выводу, что вражда двух кланов обходится им слишком дорого. Точнее, может быть, умные находились и раньше, но неслыханной удачей оказалось, что в этот раз думающее существо оказалось во главе клана, а вовсе неслыханным везением – что глава противоборствующей стороны был способен его выслушать и понять. Обычно кланами правили воины, и с одной стороны это было плюсом, поскольку солдат умеет принимать быстрые решения и брать на себя ответственность. Вот только кругозор воина уже, чем у дипломата, и это порой мешает, но сейчас, так уж совпало, вожди были умными эльфами и смогли договориться.

Гарантом мира должен был стать брак между детьми предводителей кланов. Обычный политический брак, не более того, но он позволял надеяться, что с годами отношения если и не станут теплыми, то хотя бы не будут выплескиваться в эксцессы, исправно забирающие жизни их членов. Сыну главы Белых Ястребов было двадцать один год, и, хотя по эльфийским меркам он был еще невероятно, просто возмутительно молод, для вступления в брак формальных препятствий не имелось. А вот для единственной дочери главы Снежных Бабочек, которую, как и следовало догадаться, звали Лиина, выходить замуж было рановато –

на момент заключения соглашения ей только-только исполнилось десять лет.

Это, конечно, не было очень уж серьезной проблемой. Эльфы живут долго, не бесконечно, как думают некоторые, но пятьсот лет для них не редкость, да и семьсот не предел. Подождать шесть-семь лет они были готовы, а пока что заключили временное перемирие. И все прошло бы, как и задумывалось, если бы не маленькое «но». И называлось оно коротким, но емким словом – деньги.

Пока кланы воевали между собой, от этого имели выгоду очень многие. И те, кто продавал им оружие и продовольствие, и те, кто ссужал в долг, и те, кому они отдавали в аренду принадлежащие им земли и рудники, и многие другие. А когда война замерла, многие из них потеряли источник доходов. Естественно, это вызвало недовольство. Кто из тех, чьи доходы строились на чужой крови, решил срочно поправить свое положение, сказать трудно, но однажды Лиину просто выкрали из дому. Отец, конечно, знал, что переходит дорожку очень многим, но что дойдет до такого, даже не предполагал, поэтому будущую невесту охраняли не то чтобы плохо, а, скорее, без особого рвения. Всего два года мира – и воины расслабились, а потому не успели ничего предпринять, когда их взяли в ножи. Лиину ударили по голове, и в себя она пришла лишь через два дня.

Почему ее не убили тогда? Она этого не знала. Но увезли девочку очень далеко, на север, в окраинные эльфийские земли, не принадлежащие ни одному из кланов. И вот там ей улыбнулась удача – она смогла бежать.

– Стоп, – Аллен поднял руку, прерывая рассказ. – Я, конечно, тебе верю, но вот два момента начисто выпадают из моей картины мира. Я не утверждаю, что ты обманываешь, но, может, растолкуешь?

– Попробую, – Лиина не опустила глаза, и это понравилось барону. – Какие именно?

Сейчас она говорила совсем как взрослая. Ни намек на детскую непосредственность, ничего похожего на лепет. Четко, точно – издержки благородного воспитания, явно, сейчас она даже стала казаться намного старше.

– Во-первых, – начал загибать пальцы Аллен, – откуда ты столько знаешь о недоброжелателях вашего клана?

– Отец рассказал. Он считал, что я должна знать такие вещи. Просто не думал, что дойдет до крайних мер.

– Допустим. А теперь объясни мне, как ты сумела убежать? Я не считаю эльфов лопухами, скорее, наоборот. Вся история войн говорит, что твои сородичи ловкие и хваткие ублюдки. Похищать дочь главы клана вряд ли послали бы недотеп, и они тебя не упустили бы.

– Сейчас попробую объяснить, – видно было, что воспоминания Лиине неприятны. – Дело в том...

Те, кто ее похитил, недооценили ребенка. Точнее, они просто не знали, что она имеет способности к магии. Это чепуха, что любой эльф может заставить повиноваться себе деревья и зверей, на самом деле, подавляющее большинство пользуется амулетами или, как вариант, работает с предметной магией. Последнее, впрочем, редкий случай, предметная магия медленная, а потому не очень любима эльфами – это гномы могут находить удовольствие в рисовании пентаграмм и выкладывании строго определенным образом всякой ерунды, от кристаллов и деревянных брусочков до свежего мышинного помета. Так что большинство эльфов предпочитали амулеты, а полноценные маги среди них были не менее редки, чем среди представителей иных рас. Поэтому, когда в клане рождался ребенок с

магическими способностями, его не только учили, но и старались держать это в тайне – любой, даже самый слабый маг вполне мог когда-нибудь оказаться сильным козырем в интригах или частенько случавшихся усобицах.

Вот и Лиина смогла бежать, просто усыпив тех, кто ее охранял. Правда, по неопытности ей пришлось выложиться мало не до дна, но свобода того стоила. Возможно, на том бы все и закончилось, ей надо было всего лишь найти первого попавшегося стражника Верховного, но Лиина оставалась всего лишь ребенком, причем избалованным и не очень приспособленным к обычной жизни. Ничего удивительного, когда тебя с малолетства холят и лелеют, это вполне нормальная ситуация. Вот и бросилась она с испугу прочь не разбирая дороги, и, вполне закономерно, оказалась на землях людей, до которых и было-то всего полтора часа пути.

Эльфам на землях людей делать нечего. Не любят их люди за высокомерие, да и войну до сих пор не забыли. Бывает, конечно, что эльфы проезжают в составе караванов или с посольствами, таких не трогают, связываться не хотят. Положишь многих, стрелки они знатные, и на мечях неплохи, а толку – чуть. Это у гномов можно хорошо пожить, и потери всегда будут оправданны, а эльфы отнюдь не так богаты, как принято считать, знающих людей хватает. Бывает, что эльфы нанимаются к людям в качестве наемников, но их мало и они, как правило, отщепенцы, изгнанные за преступления, или вынужденные скрываться воины погибших в междоусобицах кланов. Таких берут с охотой, и они почти всегда стремительно очеловечиваются, ассимилируются в обществе, и через некоторое время ничем не отличаются от простых людей. Спесь, во всяком случае, слетает с них после двух-трех драк в трактирах, выбитых жемчужно-белых зубов и сломанных высокородных носов. Но все это взрослые эльфы, мужчины, а женщине, тем более ребенку, в одиночку не светит ничего хорошего.

Свобода Лиины длилась ровно два дня. До того самого момента, когда она, усталая и оборванная, вышла к постоялому двору. Вечером она блаженствовала на чистых простынях, в теплой комнате, а утром ее уже волокли к клетке с невольниками – хозяин стоящего на перекрестке дорог заведения не собирался упускать свою выгоду и продал девчонку проезжавшим мимо работорговцам. Ну а те, естественно, не отказались – эльфы, особенно женщины, высоко ценились на невольничьих рынках. Главное, отвезти их подальше, в те места, где эльфы – забавная диковинка, а не опасные соседи. Хорошо еще, Лиину не прицепили к общей связке, медленно шагающей по дороге, а запихали в клетку, где ехало еще с полдюжины таких же, как она, малолетних оборвышей. Хозяин невольничьего каравана хорошо умел считать деньги и не собирался терять их из-за того, что кто-то из детей не выдержал переход. Так что следующие три недели Лиина провела в относительно комфортных условиях. Правда, спать на грязных досках было неудобно, зато кормили хорошо, и ноги сбивать не требовалось. Главным минусом вначале было то, что никто не понимал эльфийскую речь, но так продолжалось лишь первое время. К исходу пятого дня пути дверь в клетку открылась, и туда впихнули будущую компаньонку Лиины по похождениям – Ирму.

На этом месте Лиина замолчала и потянулась к бокалу с вином. Аллен не стал препятствовать – конечно, ребенку пить вино вроде бы и рановато, но, с другой стороны, в горле у нее пересохло настолько, что последние фразы шли с заметной хрипотцой. Ничего страшного, от бокала не помрет, да и что-нибудь для успокоения нервов ей требовалось – вон, как щеки пылают. Воспоминания порой штука неприятная. Это ведь не шутка – похищение, бег по лесу, караван работорговцев, вонючая клетка, где даже собственные

нужды приходится справлять у всех на глазах, под смех охраны. Тычки от соседей по узилищу – эльфов не любят, и наверняка детишки, подобные ей, воспользовались моментом и сорвали зло на случайной товарке по несчастью...

И все же кое-что не билось. Совершенно. Аллен потер пальцами переносицу, привычный жест, дающий несколько секунд на раздумье. Вздыхнул:

– Ты ведь маг. По идее, могла сбежать в любой момент. Хотя бы так же, как от своих эльфийских приятелей.

– Они мне не приятели, – щеки Лиины покраснели от возмущения так, что, казалось, вспыхнут. – Просто я не умею толком колдовать, и сил у меня пока мало. Я на них, когда заклятье сна накладывала, все силы вложила, дар только-только снова просыпаться начал.

Барон кивнул. И это возможно. Слышал он, что у магов от перенапряжения талант может уснуть. Когда на время, а когда и навсегда. И толком необученная девчонка, не умеющая контролировать собственную силу, ошибиться вполне могла. Ладно, пусть будет так – Лиина, похоже, не врала. Наверняка что-то недоговаривала, однако все же не врала. Иначе придется допустить, что она слишком хорошая актриса для своего возраста.

– Хорошо. Что было дальше?

– Дальше, наверное, говорить лучше мне, – Ирма мрачно смотрела на стол, но прожечь в нем дырку взглядом не могла, как ни старалась.

– Может быть, – не стал спорить Аллен. – Попробуй.

Девчонка несколько секунд продолжала сидеть, а потом монотонным, каким-то безжизненным голосом продолжила рассказ.

В отличие от Лиины, Ирма не была знатного рода. Так, полукровка, дочь эльфа и человеческой женщины. Давным-давно ее отец покинул родные леса и отправился искать счастье в человеческих землях. Причину, по которой он это сделал, эльф так никому и не открыл, да и прожил относительно немного. Видимо, тоска по дому заела – пил он страшно, и финал вышел закономерным. Однажды вечером, в кабацкой драке, словил шесть дюймов стали под ребро. И никто, кроме жены, о нем, что характерно, не заплакал.

После его бесславной кончины всплыло многое. И то, что дом заложен, и долги такие, что впору вешаться... Вдобавок мать Ирмы заболела и долго не протянула. Словом, девочка оказалась не только в одиночестве и на улице, но и с огромным грузом долга, выплатить который, естественно, не могла. И тогда ее продали – закон той страны разрешал подобное. Деньги пошли на покрытие долга, а Ирма, соответственно, отправилась с новым хозяином.

В первый момент она решила даже, что ей повезло – ее выкупила эльфийская община их города. Эльфов в нем и было-то всего с дюжину, но, оказавшись в человеческих городах, они всегда сбивались в стаю – иначе выжить было достаточно сложно. Это ее отец держался обособленно, ну и кончил соответственно, а большинство все же цеплялись друг за друга и общие интересы отстаивали. Вот только, как оказалось, с распростертыми объятиями ее никто не ждал, равной полукровку признавать не торопились, и она так и осталась в положении рабыни. Не били, правда, и то хорошо, но относились даже не как к животному, а как к бытовому предмету, вроде веника или тряпки. Кстати, именно там ее заставили укоротить и покрасить волосы – это, значит, чтобы от других сразу отличать. А то придут гости, перепутают да раскланяются, как с королевой. Непорядок...

В эльфийской общине Ирма прожила два месяца, успев проникнуться стойкой неприязнью к «братьям по крови». Вслух она этого, конечно, не сказала, но непроизвольно сжавшиеся кулаки говорили о многом. Ну а потом ее жизнь снова дала крен, неожиданный и

резкий. Причем, когда она сказала, какой, Аллен в первый момент даже не поверил.

Девчонку подарили. Именно так, взяли – и подарили, и вся болтовня об эльфийской общности так и осталась на поверку пустым сотрясанием воздуха. Имелся у них в том городке покровитель, возжелавший в личный гарем малолетнюю эльфийку, вот Ирму ему и впихнули. Ну, в самом-то деле, отказать не получится, слишком многое от него зависело, так не чистокровную же отдавать. Только вот Ирма оказалась другого мнения, и в первую же ночь, когда ее новый хозяин попытался облапать новую игрушку, ткнула ему спицей в печень. Ножом, конечно, вышло бы лучше, но в тех полупрозрачных тряпках, кто на нее надели, его было не спрятать, а вот тоненькую гибкую спицу получилось. Только, к сожалению, не насмерть – старого козла вовремя отвезли к целителю, а Ирму выпороли так, что удивительно, как она жива-то осталась. Наверное, так и хотели засечь насмерть, но побоялись, что хозяин, вернувшись с лечения, с них самих шкуры снимет за самоуправство.

Однако в девочку боги вложили много сил – наверное, судьба ей на роду была написана тяжелая. К тому моменту, как господин Тигран, так звали ее хозяина, наконец, оклемался, она не только не померла, но и могла уже что-то сообщать, даже кое-как двигалась. Хозяин, правда, решил, что это ненадолго, и, вполне в духе своей далекой родины, приказал снять с нее кожу. Вот только отложил это дело до утра, и это спасло Ирме жизнь, поскольку в ту ночь на город совершил налет Белый Смерч.

– Кто-кто? – на сей раз удивленным выглядел Элтон. Ну да, чтоб Белый Смерч, да напал на город...

В принципе, Аллен тоже удивился, потому как разбирался в вопросе. Белый Смерч – организация закрытая, нечто вроде Гильдии Боевых Магов, только с более интересной историей. Родился во времена Большой Зачистки, когда, разгромив эльфов, люди больше трехсот лет вдалбливали всем остальным расам, что вольной жизни после ухода с этой земли Перворожденных не будет, и пасть на нее разевать не стоит. Люди, заняв территорию, другими с ней делиться не собирались, и соседей намерены были держать в ежовых рукавицах. Между собой человеческие государства собачились со страшной силой, но против иных рас выступали единым фронтом. Уж что-что, а дружить против кого-то люди умели всегда.

Именно тогда и достигла расцвета боевая магия, и именно тогда от нее в отдельную науку выделилась некромантия. Очень востребованное в войне направление оказалось, только вот большие войны имеют свойство заканчиваться, а простые, лишним образованием не обремененные пейзажи некромантов почему-то боятся. Горожане терпеливее, но тоже их не жалуют, а оставаться изгоями и чувствовать себя как во враждебном лагере, сильным магам было ничуть не приятнее, чем обычным людям. С той разницей, что маг, особенно сильный, может оскорбившего его и на месте испепелить, причем с минимальными для себя неприятностями. Случилось несколько эксцессов, после чего некроманты быстро сбились в кучку, образовав свою организацию. Белый Смерч – ее военное крыло, аналог Гильдии Боевых Магов. Выступали некроманты в основном как наемники, причем не только военные – упокоить кладбище или допросить покойного, к примеру, о том, кто его убил, некроманту в разы проще, чем тому же стихийнику. Ну а для жизни некроманты облюбовали лесной массив на севере, легко отжав его у местного короля, благо он никому особенно не был нужен. С тех пор они сосуществовали с остальным человечеством мирно, без особых эксцессов, собачась в основном с Гильдией, и каждый король, покупая услуги гильдейских магов, знал, что его противник теперь может нанять и таких же магов, и некромантов, но или

тех, или других. А вот нанимая некромантов, был уверен, что у его противника будут только гильдейские боевые маги, а вот ему самому для этой войны их уже не нанять.

Однако сами по себе некроманты ни с кем не воевали, только как наемники. Именно поэтому Элтон и удивился, однако Ирма развеяла его сомнения.

– Да, это был именно Белый Смерч. Там постоянный конфликт с соседями, а город недалеко от границы, на спорной земле...

Именно ту ночь, которая должна была стать для Ирмы последней, и выбрали некроманты для того, чтобы вынести ворота города, после чего в них вломилась самая обычная пехота. Некроманты, как полагал сведущий в военном деле Аллен, наверняка поддерживали их, но в открытый бой не вступали. Это боевики Лиги всегда были не дураки помахать мечами, а некроманты предпочитали вести себя осторожнее, хотя драться, конечно, умели. Ирме, правда, было в тот момент не до определения воинских порядков, поскольку вначале она всего лишь слышала на улице шум, а потом вдруг часть стены ее узилища смахнуло каким-то мощным заклинанием.

Не слишком соображая, что делает, Ирма выползла через этот пролом, и угодила как раз в гущу сражения. Город пылал. В небо тут и там устремлялись огненные всполохи – то ли от объятых пламенем домов, то ли от боевых заклинаний, а здесь разыгрывался маленький эпизод большой драмы. По обе стороны улицы расположились солдаты противоборствующих сторон, виртуозно прячась за раскатившимися во все стороны камнями или храбро выглядывая из-за угла. Ха! Помогли бы им такие укрытия – вопрос спорный, потому что на улице шла схватка двух магов. Выглядела она, кстати, захватывающе. С одной стороны какой-то молодой и шустрый парень в доспехах лупил разно цветными молниями, с другой закутанный в белые одежды некромант (любили они почему-то белый цвет) закрывался мерцающим куполом, завывающим от каждого удара, словно возбужденный кот. Но звуки звуками, а молнии защита некроманта отражала уверенно, вокруг уже камни плавились, а некромант, похоже, даже не вспотел. Потом он вдруг как-то небрежно взмахнул рукой, и у увлекшегося атакой боевого мага с лица лоскутами полезла кожа. Он дико взвыл и бросился прочь, его солдаты – за ним, а некромант неспешно поплыл вперед. Именно поплыл – очевидно, не желая касаться сапогами пышущей жаром мостовой, он приподнялся в воздух и плавно двинулся вперед.

Пролетая мимо Ирмы, некромант повернул голову в ее сторону, чуть заметно улыбнулся, от чего девочку прошибло холодным потом, и двинулся дальше. За ним прогрохотали сапогами его солдаты. И лишь когда они скрылись за поворотом, Ирма вдруг поняла, что боли больше нет. Через несколько часов, уже выбравшись из города, она убедилась и в том, что следы от кнута тоже бесследно исчезли.

– Однако интересно, – с легким удивлением заметил Аллен, когда девочка сделала паузу, чтобы смочить пересохшее горло. – Чтобы некромант кого-то лечил...

– Поверь, они это умеют неплохо, – усмехнулся Элтон. – Иногда даже лучше нас.

– В это я как раз могу поверить. Но спасти кого-то, да еще просто так...

– А что, ты думаешь, все некроманты сволочи? Они, кстати, такие же люди, как и мы с тобой, не лучше и не хуже. Ирма, ты мне лучше скажи, когда это было?

– Три месяца назад...

Аллен и целитель переглянулись.

– Выходит, ты из Нейбора? Далеко же тебя занесло.

– Откуда вы знаете? – девочка смотрела на Аллена с удивлением.

– Я знаю, где в то время шла война, в которой участвовали некроманты, – усмехнулся барон. – А что было дальше?

Дальше было просто. Ирма попыталась уйти подальше от города, но ее очень быстро изловили какие-то люди. То ли солдаты одной из противоборствующих армий, то ли дезертиры, то ли просто разбойники, она не знала. По внешнему виду не разберешь, оружие и не слишком качественные доспехи во время войны таскают все кому не лень. Прoderжали день, а на следующее утро продали, и попала она в тот же караван, что и Лиина.

– А дальше?

– Сбежали, – просто ответила Ирма. – Эррхар помог.

– Кто? – удивленно спросил Аллен.

– Эррхар, – Ирма указала рукой на дракончика, смирно лежащего у двери. Тот поднял голову, сообразил, что разговор идет о нем, совсем по-собачьи махнул хвостом и вновь опустил голову на вытянутые лапы. – Он прожег решетку.

– Они и вправду умеют выдыхать пламя? – с интересом прищурился Элтон.

– Умеют. Эррхар, правда, не очень сильно, он ведь еще маленький, – голос Ирмы звучал тепло, словно она говорила о младшем братишке.

– Откуда он вообще взялся?

– Его хозяин каравана купил. Для зверинца.

– И как вы его смогли заставить вам помочь?

– Я его попросила. Он умеет говорить, так, что никто не слышит, но только со мной.

– Мыслеречь, – выдохнул пораженный Элтон. – Редкие маги на это способны, а уж про драконов, я думал, и вовсе сказки.

– Дело ясное, что дело темное, – выдал Аллен абсолютно ничего не значащую фразу, просто чтоб сделать паузу и, пока собеседники переваривают его слова, хоть немного подумать. – А родители твоего зверя где?

– Он говорит, погибли, но не хочет уточнять.

– Я бы на его месте тоже не распространялся. Что было дальше?

– Эррхар пережег свою цепь, загрыз охранника и пережег решетку. Точнее, расплавил замок, но это ведь неважно?

– Неважно, – кивнул Аллен.

– Ну вот. Все бросились в разные стороны, и нам удалось спрятаться. Эррхар видит в темноте так же, как и днем, мы тоже лучше людей.

– Понятно все с вами. А теперь скажи, – Аллен склонился над столом, внимательно посмотрел в глаза Ирме. – Ты говорила, что не любишь эльфов. Почему же потащила ее за собой?

– Она сама пошла, – не отводя взгляда, усмехнулась девочка. – Не прогонять же.

– Почему бы и нет?

– Шум поднимется. Да и не так страшно вдвоем.

Логично, в общем-то. Аллен чуть подумал, кивнул:

– Продолжай.

– Выбрались, начали искать город, там затеряться легче.

– А почему не к отцу Лиины пошли?

– Не дошли бы, – тут уж вмешалась эльфийка. – Нас далеко увезли, да еще и те, кто меня украл, наверняка ищут. Стоило подождать. Спрятались среди нищих, тут хотя бы эльфов искать не будут.

– Умные вы. Откуда амулеты?

– Купили. Точнее, обменяли. У меня с собой было колечко, его я сунула в карман, а обыскать меня никто не догадался.

– Не смешите – на сей раз засмеялся Элтон. – Я знаю, сколько стоят такие амулеты. Намного больше своего веса в золоте.

– Там был бриллиант. Вот такой, – Лиина показала на ноготь своего мизинца. – Тот маг, что держал лавку, согласился. Даже немного денег дал.

Еще бы ему не согласиться. Такого размера бриллиант, да еще с эльфийской огранкой, которую люди, как ни стараются, повторить не могут... Наверняка сама безделушка уже превратилась в оплавленный в тигле кусочек желтого металла, а камешек пошел отдельно. Положительно, тот маг неплохо заработал, и желание сохранить деньги послужило гарантом молчания.

– А потом?

– Потом я заболела, – Ирма мрачно пожала плечами. – Деньги кончились, хозяин дома вышвырнул нас на улицу. И тут вы нас подобрали.

– А почему ты не ела? Лиина ела, ты – нет.

– Я все равно бы умерла. Какой смысл переводить на меня деньги? А так хоть она дольше продержалась бы.

Идиотка. Аллену захотелось прямо сейчас надавать этой прекраснодушной дуре плюх, но он сдержался. Самое интересное, она и впрямь верит в то, что говорит, и что ее привела к такому выбору собственная воля, а не вбитые от макушки до пят негласные эльфийские правила. Однако прокомментировать он не успел – Элтон тронул его за локоть, кивнул в сторону наружной двери.

– Тетя Моран, Карен, посидите с нашими... гостями, мы сейчас.

На террасе было как-то умиротворяюще спокойно. Наверное, от мерно капавших дождевых капель, неспешно размывающих остатки снега. Звук получался спокойным и каким-то убаюкивающим. Элтон облокотился на перила, бесцельно крутя в пальцах прихваченный с собой бокал. Аллен, не столь предусмотрительный, привалился к стене, зло потер щеку с трехдневной щетиной – бриться он не любил.

– Что скажешь?

– Нельзя их так бросать, – Элтон задумчиво посмотрел на бокал, отпил чуть-чуть. – Погибнут.

– Раньше выжили – и сейчас не пропадут, – немного жестче, чем требовалось, ответил барон. – Любопытство я, в принципе, удовлетворил, так что интерес в них у меня исчез. Могут идти на все четыре стороны.

– И если их поймают, – в тон ему продолжил Элтон, – то история всплывет, и эльфы выйдут на тебя. Не из-за девчонок даже, а просто чтоб их грязное белье не стали трепать на всех перекрестках.

– Только это меня и останавливает, – поморщился Аллен. – Не дурак, подумал уже. Но здесь их оставлять нельзя.

– Думаешь, Моран проговорится?

– Моран вряд ли, она женщина умная. Да и Карен, при всей своей безалаберности, далеко не дурак и понимает, чем может обернуться длинный язык. Так что я с ними поговорю на всякий случай, и можно спать спокойно. Другое дело, что попробуй удержать взаперти в маленьком доме двух сопливых, но шустрых девчонок и подрастающего дракона.

Они со скуки взвоят и живо начнут творить глупости.

– И что ты предлагаешь?

– Есть идея, – Аллен усмехнулся. – В предгорьях, у границы моих земель, есть охотничий домик. Он не укреплен, поскольку лихого люда там отродясь не было, да и в горах в тех местах никто не живет. Слишком дикие места. Я и сам в нем бываю пару раз в год, когда появляется желание поохотиться или с удочкой посидеть. В остальное время за домом присматривают двое слуг, престарелая семейная пара, которым в этой жизни, по большому счету, ничего уже не нужно. Вот туда мы соплух и отправим. Искать их в такой глуши точно никто не будет, а там и уляжется все потихоньку.

– Думаешь? – Элтон выразительно pokrutil длинным, породистым носом. Он вообще выглядел на удивление благородно, даже и не скажешь, что сын булочника в восьмом поколении. – У эльфов память длинная.

– Зато руки короткие. Они ведь не идиоты, их и без того едва терпят, так что нахально лезть они не станут. С нашим городком детей никто не связывает, так что и искать вряд ли будут. Но Ирму надо долечить. Возьмешься?

– Возмусь, – тяжело вздохнул Элтон. – Куда я теперь денусь...

Три года спустя

Девушка сидела на краю обрыва, свесив ноги, и с интересом смотрела вниз. Там, на высоте примерно в двести человеческих ростов, с ревом неслась узкая, но бурная горная речка. Сюда, правда, доносилось лишь нечто похожее на сонное бормотание – грохот размывался, дробился в переплетении скал, и ничего угрожающего в нем уже не ощущалось. Разве что сама высота, способная вызвать дрожь у большинства обычных людей, но как раз ее-то девушка не боялась ни чуточки.

В небе появилась темная точка, стрелой скользнула вниз, лавируя между живописных, пускай и приевшихся за эти годы скал, и резко замедлила полет совсем рядом с девушкой, материализовавшись в небольшого, всего-то три человеческих роста, если считать вместе с хвостом, дракона. Широкие крылья, как паруса, развернулись, тормозя полет, и мощный порыв ветра ударил сидящей в лицо. Она поморщилась:

– Эррхар, ты меня так когда-нибудь вниз сдуешь.

– Не дождешься, – дракон аккуратно опустил на уступ скалы позади девушки и протянул ей корзину, которую все это время тащил в лапах. – Держи, тебе с кухни передали. Все лапы оттянула, зараза.

Девушка встала, резким движением головы заставив длинные черные волосы рассыпаться по плечам, осторожно перехватила ручку, мимоходом полюбовавшись на бледно-золотистую драконью чешую. Обычно, несмотря на свой достаточно яркий цвет, она, скорее, размывала очертания своего обладателя, но сейчас, в лучах солнца, переливалась всеми цветами радуги. Зрелище было не менее завораживающее, чем сами горы. Усевшись обратно, она стянула тряпку, плотно прикрывавшую корзину, заглянула и усмехнулась:

– Тетя Мила в своем репертуаре. Здесь роту накормить можно.

– Не волнуйся, я тебе помогу, – совсем по-человечески рассмеялся дракон. – Колбаса есть?

– Само собой. А кто говорил, что вкуснее свежепойманной добычи ничего нет?

– Так я от своих слов и не отказываюсь, – ухмыльнулся дракон. – Просто колбаса тоже вкусная.

Следующие несколько минут собеседники увлеченно чавкали – здесь, вдали от людей, можно было и не следить за манерами. А то дома «так воспитанные леди не сидят... вилку надо держать в левой руке... на стуле не раскачивайся...». Тетя Мила, конечно, замечательный человек, но буквально помешана на правилах приличия, и к словам Аллена о том, что за девочками надо присматривать, восприняла с абсолютно излишними, на взгляд Ирмы, ответственностью и энтузиазмом. Правда, сейчас они уже притерлись друг к другу, а вот вначале... И это при том еще, что тетя Мила – женщина редкой доброты, искренне считающая, что делает все во благо подопечных. При этом мнение самих подопечных никого почему-то не волновало.

При мысли об этом Ирма сердито отряхнула крошки с колен. Вот еще один повод для недовольства – полосатые вязаные чулки в обтяжку. Куда удобнее ходить в штанах – кожаных, прочных. Такие не порвешь, зацепившись случайно за сучок или камень, и запачкать проблематично. Но тетя Мила уперлась рогом: горы, мол, а в горах холодно. Какое там холодно, лето на дворе! И все равно пришлось натянуть эту шерстяную гадость, на которую липнет буквально все, цепляются тоже за все подряд, и кусачие они, как сволочи. Плюс здесь-то они, может, и в самый раз, а пока по лесу шла – упарилась. Да вдобавок выглядит в них, как клоун. И плевать, что никто не видит!

Сзади раздалось фыркание. Девушка обернулась и с подозрением окинула взглядом непроницаемую морду дракона. Тот сделал вид, что не смеялся, и Ирма, как всегда, на миг позавидовала ему – бронированная морда зверя была малоподвижна от природы, и скрывать эмоции ему удавалось легко и непринужденно. Это у нее, как говорила тетя Мила, на лице все написано, а у этой ящерицы с крыльями поди догадайся, что на уме. И не догадаешься ведь, что он в следующий момент учудит... Мальчишка!

– Возьми пирожок. Лиина с утра напекла.

Угу. Вот еще один повод... интересно, для чего? Для смеха или для гордости? Лиина обожала возиться на кухне и пекла вкуснейшие пирожки. Впрочем, супы ей тоже удавались. И мясо. И овощи. Словом, прорезался в девчонке скрытый талант, тетя Мила нарадоваться не могла. Скажи кому – обалдеют. Эльфийка-домохозяйка – это диковинка почище бриллианта с орех величиной. Во всяком случае, Ирма знала это точно, таких бриллиантов существуют как минимум два, один в сокровищнице эльфийского правителя, а второй в диадеме людского первосвященника. Эльфиек же со склонностью к домашнему хозяйству Ирме раньше не попадалось.

– А ты чего не ешь? – пирожок оказался на редкость вкусным, Лиина сегодня явно была в ударе. А может, просто горный воздух и легкая усталость – лучшие приправы. Слабенькое, немного вяжущее красное вино, кстати, тоже пошло хорошо, оставив на языке легкое послевкусие. Не из королевских погребов, разумеется, но очень и очень приличное – лорд Аллен не был знатоком вин, и коллекций, подобно другим провинциальным дворянам, тянувшимся за подобием столичного шика, не держал, однако и откровенной дряни ухитрялся не покупать. Поэтому те, кто служил у него, могли рассчитывать на качественное пойло, хотя крестьяне и большинство простых воинов предпочитали обычное пиво или самогон. Пиво крестьяне гнали чаще всего сами, а солдаты баронской дружины пользовались тем, что давали в замке. Своя пивоварня у барона тоже имелась, небольшая, для собственных нужд, расположенная в родовом поместье, и там же находился купленный еще отцом Аллена у

алхимиков перегонный куб. Вот бы посмотреть! Увы, в поместье баронов Кассии Ирма еще не бывала, и посмотреть на чудо современной науки, позволяющее готовить из обычной браги пьянящую жидкость, столь крепкую, что горела тусклым синим пламенем, ей не довелось. Ну да ничего, не последний день живем.

– Что, пирожки? Дракон и пирожки – это, извини, понятия несовместимые.

– Угу, угу, – с набитым ртом отозвалась девушка. – Будто я не видела, как ты на той неделе целый поднос слопал.

– Тс-с, никому не говори...

Они посмотрели друг на друга и синхронно рассмеялись. Обычная пикировка, пустопорожний треп, без которого в этих местах можно рехнуться от тоски. Все же здесь спокойно, безопасно, и – скучно. Дико скучно. Пожалуй, в таком месте, где ничего и никогда не происходит, комфортно жить могут разве что тетя Мила с мужем. Тот всю жизнь проработал у барона егерем и общество леса для него было интереснее человеческого, а его жена... Иногда Ирме казалось, что она здесь от кого-то прячется, и глушь ее более чем устраивает. Во всяком случае, за те три года, что девушка здесь жила, ни тот, ни другой даже не пытались выбраться куда-нибудь дальше соседней деревни, и то ненадолго. Так, продуктов купить, и то немного – большую часть необходимого давали лес и большой огород, на котором тетя Мила самозабвенно возилась все лето. И девочки, помогая ей, едва не выли с тоски. Как в тюрьме...

Умом-то они понимали, что это для их же пользы. Барон по-своему заботился о них и укрыл в месте, где никто искать попросту не станет. О нем и знали-то немногие, а уж предположить, что в этой глуши какой-то мелкотравчатый дворянин скрывает двух эльфиек, причем сидят они тут без принуждения, по своей воле, и вовсе было сложно. Тетя Мила, несмотря на говорливость, когда надо умела держать язык за зубами не хуже рыбы, и потому беглянки жили вполне спокойно. И борьба со скукой для них оказалась главной задачей, хотя Ирма умом это понимала, куда больше ей помогли бы пара учителей. Все же умения читать и писать, достаточные для человеческой женщины, эльфийкам, даже если одна из них с приставкой «полу-», явно маловато. Но – приходилось смириться, все же безопасность превыше всего, а лучшей защитой являлась секретность.

Выручали библиотека и лес. Даже удивительно, но Аллен, жутко рациональный и достаточно прижимистый барон, не склонный вкладывать даже медный грош в заведомо убыточное дело, почему-то держал здесь очень приличную библиотеку. А ведь книги – они дорогие. Некоторые – в этом девушка худо-бедно разбиралась – стоили больше, чем этот охотничий домик, в котором они хранились. Причина такого нерационального поведения оставалась для Ирмы тайной за семью печатями. Примерно такой же, как причина, по которой барон подобрал их с Линой и потратил на лечение очень даже немалые деньги. Вроде бы все просто, и сам Аллен тоже не таит в себе ничего неожиданного. Обычный дворянин, немного прижимистый, немного торгош, немного воин, немного разгильдяй и еще много других «немного». Среди людей таких на дюжину двенадцать. Но порой он все же девушку удивлял, поскольку иногда барон, такой, кажется, предсказуемый, мог запросто отчебучить что-либо совершенно неожиданное, а потом вести себя, будто так и надо.

Так вот, библиотека у него и впрямь была хороша. Чувствовалось, что собирали ее долго и с любовью. Нет, конечно, имелись там и новомодные романы про рыцарей, принцесс, драконов и прочую шелуху, но было их немного. Стояли эти книги отдельно, были не сильно потрепаны, и читала их, как успела убедиться Ирма, только тетя Мила. Даже удивительно,

вроде крестьянка – а грамотная... И, кстати, барон эти книги, похоже, для нее и привозил. После каждого из его нечастых визитов на полке добавлялось по три-четыре пухлых томика. Впрочем, они недорогие – с изобретением печатного станка цена книг заметно уменьшилась, и это, по слухам, вызывало неудовольствие у жрецов. Раньше монастыри неплохо подрабатывали на переписке книг, и от этого занятия в казну (а точнее, в личный карман) первосвященника исправно капали полновесные монеты. Сейчас же книги печатались быстро и дешево, а главное, помногу. Жрецы пытались наложить на перспективное дело лапу, однако, похоже, кто-то в высоких столичных сферах опередил их и по этой самой лапе чувствительно врезал. Теперь они злобствовали, а рынок тем временем наполнялся дешевыми и не всегда качественными книгами, что, в общем-то, всех остальных вполне устраивало.

Однако романы романами, а основную часть баронской библиотеки составляли книги куда более серьезные. В основном, что интересно, по точным наукам – математике, механике, географии... На так любимые эльфами и, с их подачи, многими представителями человеческой знати книги по философии и искусству в ней не нашлось места. Зато на удивление много было книг по истории, причем некоторые очень древние – и очень дорогие. Стихов – по мелочи и безо всякой системы, так что, скорее всего, они попали в библиотеку случайно, может, за компанию с каким-нибудь раритетом. Некоторые торговцы любят так делать, сбавляя в довесок к стоящей и ценной вещи, которую визитер твердо намерен купить, всяческий неликвид. Ну и книги по магии, разумеется, ни одна уважающая себя библиотека без них не обходится. Словом, рай для того, кто хочет заняться самообразованием. Ирма и занималась – а что еще делать, спрашивается? Не на кухне же сидеть.

А еще был лес. Дикий, как и положено в такой глуши. А так как здесь были предгорья, которые всего-то в паре часов пути от охотничьего домика баронов Кассии плавно переходили в самые настоящие горы, невысокие, но с крутыми склонами, то и лес был самый что ни на есть разнообразный. И лес Ирму принял.

Это сложно описать словами, да и нет в человеческом языке подобных слов. Все же люди – гораздо более грубые создания, чем эльфы, и у них нет такого сродства с природой, как у перворожденных. Поэтому они не умеют так чувствовать лес, не могут становиться с ним одним целым... Да ладно, чего уж там. Даже среди эльфов эту способность сохранили единицы, и меньше всего Ирма могла ожидать, что к ней, полукровке, у которой даже имя-то человеческое, лес окажется так расположен. Каждый раз, входя в лес, она чувствовала себя так, словно погружалась в теплую, совершенно невесомую воду. Она знала, что происходит вокруг, и для этого ей не надо было смотреть и прислушиваться – знание приходило само собой, как что-то естественное, как часть ее самой. В общем, это было здорово!

– Чего задумалась? – Эррхар с присущей драконам грубоватостью прервал ее размышления. Грубоватость – это еще мягко сказано. Обычно отношения между драконом и человеком лучше характеризуются словом «хамство». Однако этот дракон, выросший среди людей (ну, людей и эльфов, невелика разница), вел себя куда адекватнее большинства сородичей.

– Да так, – девушка легко вскочила на ноги, потянувшись, разминая слегка затекшие мышцы. – А чего ты прилетел, кстати? Я бы к вечеру сама вернулась.

– Барон приезжает, – фыркнул дракон, всем своим видом показывая: мол, это для вас он что-то значит, а для него, ящера крылатого, так, мелочь. С Алленом у него сложились

отношения странные – они вроде как ладили, и в то же время Эррхар старался держаться от него подальше. Как подозревала Ирма, потому, что Аллен не чувствовал перед ним даже намека на почтение (читай, опасение), которое люди, по мнению драконов, просто обязаны ощущать при одном их виде. Однако барон ровно относился ко всем и страха никогда не выказывал. Он, такое складывалось впечатление, то ли вообще не умел бояться, то ли мастерски это скрывал, а Эррхара это слегка нервировало.

– Когда? – Это было уже интересно. Аллен бывал здесь нечасто, и его визиты вносили некоторое разнообразие в монотонность сельской жизни.

– Уже подъезжать должен. Я видел его, когда над лесом пролетал.

– И молчал? Ах ты ж, мышь ушастая!

– Садись, полетели, – рассмеялся Эррхар. – Пока они на своих лошадях, да по дороге... Успеем.

Не успели. Хотя путь, который пешком занял полдня, Эррхар преодолел за считанные минуты, они все равно не успели. Когда молодой дракон, тяжело взмахивая могучими крыльями, заложил вираж над охотничьим домиком (домиком, ха, тридцать два на двадцать четыре шага, три этажа, первый каменный, а два других сложены из могучих, в обхват, сосновых бревен), рядом с ним уже стояли лошади, и соскочивший с одной из них Аллен высоко подбросил в воздух с радостным визгом бросившуюся ему на шею Лиину. Визг Ирма, конечно, не слышала, но знала, что без него не обошлось. В первый раз, что ли... На мгновение она почувствовала что-то вроде укола ревности к младшей подруге, хотя и понимала, что ей ничего не светит. Сейчас Лиина была еще обычным голенастым подростком, но пройдет несколько лет – и из нескладного тела, как бабочка из куколки, вылупится изящная и ослепительно красивая эльфийка, быть удостоенной внимания которой почтет за честь любой из человеческих королей. Это Ирма знала точно, равно как и то, что Лиина была совершенно по-детски влюблена в своего спасителя. Тот, правда, не обращал вроде бы на это внимания, но пройдет время – и...

Хотя, надо признать, и Аллен был хорош. Высокий, заметно выше большинства людей и как минимум не уступая ростом среднему эльфу, молодой барон был широк в плечах, светловолос и мог похвастаться правильными чертами лица. И силен – Ирма хорошо помнила, как он тащил ее на руках через весь город. Словом, классический рыцарь с картинки. Судя по внешности, его предки вели свой род от легендарных первых воинов, которые когда-то высадились на северном побережье и захватили плацдарм. Это получилось главным образом потому, что эльфам в тех покрытых вечными снегами местах ничего не было нужно. Они там не жили и в результате позорно и бездарно проворонили нашествие. Уже потом туда пришли другие люди, и когда эльфы вкупе с другими расами попытались сбросить их в море, было уже поздно. Люди успели закрепиться и век за веком отвоевывали себе место на континенте – до тех пор, пока не стали на нем главными. В этих войнах прославились и создали династии многие, но старшая знать вела свой род еще от тех, самых первых, и до сих пор в их семьях люди с внешностью, подобной Аллену, не были редкостью.

Дракон сделал круг и мягко пошел вниз. Сердце, а вместе с ним и наполненный только что съеденным обедом желудок скакнули к горлу. Вот к этому Ирма привыкнуть не могла. Вообще, летать было здорово, но посадка – это что-то с чем-то. Единственно, что немного компенсировало неприятные ощущения, был вид людей, спешно разбегающихся и оттаскивающих в стороны лошадей. Попасть под лапу сажающемуся дракону – удовольствие ниже среднего. Эррхар мог сесть на любой пятачок, и так мягко, что трава не колыхнется, но

сейчас он явно хулиганил.

Ну да, так и есть. Сел красиво, с пробегом, распахнув крылья, чтоб тормозили. Спрессованный воздух из-под них моментально поднял тучу пыли. И откуда она, спрашивается, взялась? Вроде бы двор весь порос невысокой травой, а вот поди ж ты! Серdito замахала руками, безуспешно стараясь придать строгое выражение круглому, как луна, лицу тетя Мила. В исполнении женщины, больше всего похожей на наряженный в юбку пухлый шарик на коротких ножках, это выглядело комично. Ее муж высунулся на минуту из дома, посмотрел на происходящее и вновь скрылся за дверью – к выходам дракона он уже привык. Элтон, который частенько приезжал вместе с бароном и сейчас тоже воспользовался случаем для того, чтобы выбраться из города, откровенно ржал, выставив на всеобщее обозрение ослепительно-белые (ну как же, целитель) зубы и не обращая внимания на пыль. Невозмутимость сохранял только сам Аллен, хотя и у него уголки губ пару раз предательски дрогнули – похоже, барона происходящее забавляло.

Ирма спрыгнула со спины Эррхара, надеясь, что у нее это получилось изящно, а не как у козы через забор. Успевшие немного затечь во время полета ноги слушались неважно, однако девушка незамедлительно сделала книксен, как и положено воспитанной барышне. Получилось. И только выпрямляясь, она сообразила, как комично, должно быть, выглядит в этих проклятых чулках. Щеки полыхнули так, словно к ним поднесли спичку, однако барон остался невозмутим. Только улыбнулся, как всегда доброжелательно, звонко чмокнул Ирму в щеку и поинтересовался, будут ли его здесь кормить.

Лорд Аллен

Это было весело. Конечно, заходящий на посадку дракон, пускай даже такой молодой и, соответственно, мелковатый выглядит жутковато, но это лишь в случае, если у тебя нет уверенности, что этот ящер не плюхнет тебе на голову. В данном же случае это забавное чудо с крыльями, при всей своей наглости, садилось очень аккуратно. Аллен, хвала всем богам, таких посадок в своей жизни наблюдал уже предостаточно, и хорошо научился определять, куда сядет дракон и каковы окажутся последствия. Новостью оказался разве тот факт, что на этот раз Эррхар вез на себе Ирму, и непохоже, чтобы ему лишний груз доставлял хоть какие-то неудобства. А ведь в прошлый раз, когда Аллен задал ему вопрос, способен ли тот нести по небу что-либо тяжелее себя самого, дракончик на голубом глазу клялся и божился – никак, мол, невозможно, сил не хватит. Ну-ну, при случае стоило ему это припомнить.

Тем не менее посадка далась Эррхару нелегко – то ли он не рассчитал немного, то ли еще что, но брюхом по земле шваркнулся, похоже, неслабо. Правда, виду не показал, пытается вести себя, как и положено мужчине, и на мелочи не жаловаться. Хотя наверняка ушибся сильно – пускай там и чешуя, мало уступающая в прочности иным латам, но все равно молчит. Постоянное общение с людьми наложило на поведение дракона своеобразный отпечаток, как слышал Аллен, обычно они такими мелочами не заморачиваются, и боль, плохое настроение и прочие нюансы не скрывают. Впрочем, Элтон неудачную посадку тоже отметил. От Аллена не укрылось короткое и вроде бы случайное движение кистями рук – целитель быстро провел краткую диагностику состояния дракона, наловчился за последнее время. Вообще, Элтон стал очень силен как маг и прогрессировал настолько быстро, что это

бросалось в глаза не только признанным мастерам, но и такому профану, как Аллен. Можно было не сомневаться, ударясь Эррхар по-настоящему серьезно, и целитель заметил бы это сразу. Ну а раз он спокоен, стало быть, ничего страшного нет. Может, пара ссадин. А значит, если дракон хочет поиграть в настоящего мужчину, то и ладно, пускай тешит самолюбие и самоутверждается, никому от этого ни тепло, ни холодно.

А Ирма, кстати, выросла, подумал Аллен, наблюдая, как она неловко пытается изобразить поклон. Получалось... забавно, иначе и не скажешь. Барон едва сдержал улыбку, но самоконтроля хватило, чтобы не показывать эмоций. Как и всегда, интуитивно он понимал, чем может задеть кого-то, а обижать людей Аллен не любил. Во всяком случае, обижать без нужды – это нерационально, и никогда не скажешь, чем и когда выльется. Может, и ничем, а может... В общем, барон привык следить за словами и поступками, тем более что обычно это ему ничего не стоило, но умел проявлять и твердость, когда это требовалось. В жизни и то, и другое помогало.

Дежурно поцеловав девушку в щеку (как-то так это повелось и продолжалось уже года два), он прошествовал в дом. Правда, вначале сполоснул лицо – здесь, во дворе, имелся намертво приколоченный к подпирающему крышу сарая столбу здоровенный медный умывальник, и после дороги это было весьма кстати. Все же яркое летнее солнце, от которого он изрядно взмок, тучи пыли – и вот он уже покрыт ею, как штукатуркой. Кожу стягивает, чешется... Неприятно, в общем. Элтон молча последовал его примеру, а смотритель всего местного хозяйства, старый Пьер, обещал к вечеру истопить баню. Но мыться – это потом, сейчас хотелось есть.

Жена Пьера, Милагора, или, как ее обычно называли, тетя Мила, стремительно накрывала на стол. Готовила она умопомрачительно вкусно, лучше даже, чем оставшаяся в городе Моран, и сейчас путешественники воздавали должное ее искусству. Оба изрядно проголодались – от ближайшей деревни ехать было почти полдня, и это еще благодаря тому, что он, Аллен, знал практически неприметную лесную тропу, заметно сокращавшую путь. Иначе точно до вечера бы тащились, а так единственной проблемой оказались комары – тропа некоторое время шла по краю болота, и этих мелких тварей над ним постоянно висело целое облако. Густое такое, плотное и неприятно гудящее. Элтон, правда, шуганул их магией, но то ли слабо шуганул, то ли не все комары ее заметили, и по паре волдырей у обоих добавилось.

Иногда Аллен удивлялся, зачем его предки устроили охотничьи уголья здесь, на самой границе своих земель. Тащиться далеко, целых четыре дня, а совсем недалеко от поместья и даже от города можно было найти места ничуть не хуже. Уж это Аллен знал точно – хотя сам он к охоте был равнодушен, но приглашения на нее получал регулярно и практически никогда не отклонял. Охота – это ведь больше, чем скачки на лошади, стрельба из лука и арбалета, или выход с одним ножом против медведя. И тем более куда значительнее, чем пьянка с поеданием свежего мяса и тисканьем доступного женского пола в финале. Нет, охота – это, в первую очередь, возможность неформально пообщаться с такими же, как он, дворянами, обсудить в узком и дружелюбно настроенном кругу общие проблемы, договориться о совместных действиях или заключить сделку. Словом, необременительное и полезное мероприятие, которое надо посещать, а потому Аллен знал, что зверя в лесу много, особенно учитывая, что охота – это прерогатива дворянства, и крестьяне, даже с учетом неизбежного браконьерства, в этом плане особого ущерба угольям не наносят. И появлялся логичный вопрос: зачем предкам было обустраивать себе, в дополнение к уже имеющимся,

еще одно логово, причем в глуши да с такими хоромами. И вывод из этого был только один: прадед Аллена (а именно он облюбовал эти места), будучи человеком предусмотрительным, готовил себе лежку на случай возможных неприятностей. Он же перевез сюда немалую часть семейной библиотеки и кое-что на черный день. Чем была вызвана такая предусмотрительность? Сложно сказать, но прадед был тем еще интриганом, не зря же за свою и так-то не слишком долгую жизнь успел дважды посетить королевскую тюрьму, да и умер при, скажем так, несколько странных обстоятельствах. Проще говоря, инфаркт от трех стрел в сердце. Так что, имея в активе дурные привычки и бурную молодость, он мог счесть, что домик вдали от цивилизации, в местах глухих и спокойных, ему вполне может пригодиться.

Быстро поглощая все, до чего мог дотянуться, Аллен украдкой наблюдал за остальными. В последнее время появилась у него такая привычка – в королевстве стало очень уж беспокойно, и даже здесь, в кругу людей, которым он доверял, Аллен не мог от нее отделаться. Кстати, выходило довольно-таки познавательно. Элтон ел, как всегда, аккуратно и изящно, словно не в лесу, а на королевском приеме, Пьер и Милагора – спокойно, неторопливо и по-крестьянски, а вот девицы... Интересное это было зрелище. Похоже, Милагора учила их, как правильно вести себя за столом (она умела, о да, многое умела, и кое-кто весьма удивился бы, столкнувшись с некоторыми ее умениями), да и до того они, в принципе, были не крестьянками от сохи. Вот только чувствовалось, что, хотя обе неплохо умеют управляться со столовыми приборами, но предпочли бы брать, к примеру, вилку правой рукой, а ножом пользоваться не каждый раз, а единожды, накромсав все мясо ломтиками сразу же. Словом, классический пример воспитания и отсутствия необходимости к каждодневной практике. Аллен улыбнулся про себя и продолжил аккуратно терзать тупым столовым ножом бифштекс. Пускай немного потренируются.

Все приятное имеет свойство заканчиваться, и обед не является исключением. Даже если он грозит плавно перейти в ужин. Первым испарился Пьер, пошел топить баню, затем куда-то ушла Милагора. А девчонки остались, им, видите ли, интересно, что происходит в большом мире. Что же, если постоянно сидеть в глуши, это и неудивительно. Придется развлекать, никуда не денешься, тем более с набитыми, как барабаны, животами и барон, и целитель потеряли былую подвижность вкупе с желанием куда-то идти. Так что оставалось развалиться в креслах и философствовать, одновременно развлекая молодежь.

Ирма

– ...А вообще, беспокойно в королевстве. Я столько наемников в городе в жизни не видел. Шляются по кабакам, пьянствуют, задирают людей. Ко мне каждый день притаскивают по пять-шесть человек, порезы от ножей залечивать. Скольких насмерть завалили, я даже представить боюсь.

Элтон разливался соловьем, расписывая творящиеся в городе ужасы. Аллен сидел откинувшись в кресле и с задумчивым видом изучал кончики пальцев. Видно было, что мыслями он где-то далеко отсюда. В прошлые приезды он был совсем другим – веселым, бодрым, прямо искрящимся энергией. Несмотря на то, что он был на четыре года старше нее, разницы во время общения она не чувствовала. Молодой барон умел делать так, что Ирма самой себе казалась старше, а он, напротив, моложе, чем на самом деле. Сейчас же перед

ней сидел замотанный донельзя человек с сеткой мелких, но ставшими из-за дорожного загара очень заметными морщинок вокруг глаз. Странно, раньше так не бывало. Обычно когда эти двое приезжали, барон, даже уставший в дороге, всегда держался бодрячком и умел не показывать, что предпочел бы полежать – и чтоб его не трогали. Сейчас же его, похоже, не волновало, что о нем подумают другие.

Однако в какой-то момент все переменялось. Ирма даже не поняла сначала, как и после чего это произошло. Вот сидел усталый человек, можно сказать, не сидел даже, а дремал – и вдруг словно за ниточку дернули. Спина прямая, глаза смотрят с обычным доброжелательным прищуром... Ирма сообразила, как это произошло, только когда поняла: барону задали вопрос. Лиина задала, если точно, причем серьезный. С абсолютно детской непосредственностью она поинтересовалась, будет ли война, и если будет, то с кем? Опять с орками?

– С орками? – Аллен прищурился и машинально потер кончиками пальцев белесую, почти незаметную ниточку шрама над левой бровью. – Очень сомневаюсь.

– Почему? – на этот раз интересно было уже самой Ирме.

– Во-первых, – барон повернулся к ней и начал загибать пальцы. Любил он иногда начинать такие вот подробные объяснения, словно по полочкам информацию раскладывал, как для младенцев, право слово. Ирма знала, что некоторых такое отношение бесило, но ей самой даже нравилось. Скорее, ее разозлили бы монологи в стиле «сам догадайся, недоумок». С детства ненавидела такое отношение. – Во-первых, орки нападают на нас с периодичностью в шестнадцать-двадцать лет. Они же степняки, серьезным образованием не обремененные, и понятие стратегии у них отсутствует как класс, равно как и инстинкт самосохранения. Поэтому налеты происходят, как только у них подрастет новое поколение. Прошлого мы выбили год назад, так что какое-то время можно не волноваться.

Ну да, в том году. Ирма это помнила, ей тот же Аллен и рассказывал. Правда, у него это тогда получалось как-то весело, будто речь шла о легкой прогулке. Ну, прискакали орки, блокировали несколько пограничных городков. Народ в тех местах привычный, из окрестных деревень сразу убрался под защиту стен. Кто не успел... Что же, им можно только посочувствовать, но, опять же, это зло привычное, да и немного таких неудачников. А потом, как всегда, король собрал дворянское ополчение, поднял регулярные войска, и рыцарская конница втоптала храбрых, но плохо вооруженных и организованных степняков в грязь. Если бы орки были чуть поумнее, то сделать это, может, и не удалось бы – все же легкая конница мобильнее, и всегда может выйти из-под удара закованного в латы противника. Лучшая защита имеет и обратную сторону – подвижность рыцарей оставляет желать лучшего. Однако кодекс чести орков заставлял их не уклоняться от схватки, чем люди раз за разом и пользовались без зазрения совести. А в лобовом столкновении, грудь в грудь, шансов те не имели. Словом, все как всегда, и Аллен на той войне получил боевое крещение и первую рану. Совсем легкую – стрела ударила в шлем, скользнула по нему и кончиком угодила под забрало, распоров кожу над бровью. Он был не в обиде – война есть война.

– Во-вторых, – барон загнул второй палец, – для такой войны наемники не нужны. Не тот противник, честно говоря. А ведь их кто-то специально собирает. В-третьих, помимо этого на городских складах идет заготовка припасов. То есть возможность осады не исключается. Имеются и другие нюансы, но все говорит о грядущей большой войне. Не о пограничной стычке, а именно о войне. А вот с кем... тут возможны разные варианты.

– Может, с соседями?

А что? Очень даже может быть. Человеческие королевства, столкнувшись с враждебностью иных рас, против них, случись нужда, выступали единым фронтом. Обиды прошлого не забылись за прошедшие века, и достаточно было кинуть клич «Наших бьют!», как взаимные распри забывались, и недавние противники совместно наваливались на тех же гоблинов. Однако в другое время люди частенько собачились между собой, и междоусобицы редкостью не были.

— Может, и с ними, — Аллен не стал спорить, лишь задумчиво переплел пальцы и несколько секунд рассматривал получившуюся композицию. — А может, и нет. Мало информации и много слухов, истина в них попросту тонет. Поэтому давайте не забегать вперед, и... В общем, я тут привез кое-что. Хочу здесь спрятать, а то мало ли. Времена наступают сложные, захоронка на черный день не помешает. Да и вам, случись что со мной, будет, на что жить.

— А что может случиться? — тут же влезла в разговор Лиина.

— Да все, что угодно. Времена, похоже, грядут беспокойные, — барон пожал плечами, и Ирма в очередной раз удивилась. Он ведь не красуется, хорошо понимает, что погибнуть может запросто, и отсиживаться в стороне, случись война, не станет. Такое уж у него понятие о чести, и не трус он. И все равно — спокоен. Конечно, люди, существа по сравнению с эльфами короткоживущие, теряют со смертью не века, а всего лишь годы, максимум десятилетия, а потому к факту возможной гибели в бою относятся спокойнее. Не зря же там, где эльфы начинают в панике отступать, человеческая пехота лишь стискивает зубы да плотнее сдвигает щиты. Такие упорство и стойкость, в принципе, и позволили людям завоевать континент. Вот только Аллен даже на фоне других людей отличался спокойным, даже непробиваемым фатализмом и равнодушием к собственной судьбе.

О том, чего барону стоит такая непробиваемость, девушка не знала. Маска, которую Аллен надевал так часто, что она почти приросла и стала уже практически частью его самого, позволяла ему избегать многих проблем. На самом же деле, и об этом мало кто догадывался, темперамент у него был взрывной. Впрочем, Ирме об этом знать и не стоило.

Они трепались о том, о сем еще около часа, но больше на серьезные темы разговор не съезжал. О грядущих проблемах Аллен разговаривать настроен не был, и Ирма это чувствовала, а в остальном... Ну, рассказал он девчонкам провинциальные сплетни, которые и сам-то слышал краем уха. Ничего интересного, кстати. Рассказал о том, как ездил в столицу. Не в первый раз ездил, кстати, но на этот раз, помня жадный интерес Лиины, сходил к магу-визуалисту. Тот сделал специально для него несколько картинок с самыми красивыми местами города, невероятно точных, четких и вдобавок объемных. Берешь амулет, слегка его сдавливаешь — и над ним появляется изображение. Проводишь по нему пальцем — оно поворачивается. Толкаешь — меняется на другое, все просто. Ирма даже не пыталась гадать, сколько может стоять такая игрушка, а барон не распространялся, лишь улыбался ехидно. Правда, он мог себе позволить некоторые траты. В принципе, Аллен не скрывал, что в последнее время сделал несколько удачных вложений капитала, и теперь весьма состоятелен даже по меркам столицы. Так что мага уж точно мог позволить, и эльфийки с огромным интересом и удовольствием рассматривали виды королевского дворца, фонтанов, центрального парка с аккуратно подстриженными газонами и деревьями, кронам которых ножницы садовников придавали самые причудливые формы... Правда, Элтон, устроившийся рядом и ехидно комментирующий все это фразами вроде «Вы бы понюхали, как на этой улице пахнет — рядом проложен сток городской канализации, и он постоянно забивается...»,

или «А на этом дереве, во-он на той ветке, король Акмар Третий повесил свою дражайшую половину, случайно застав ее на сеновале с конюхом», немного разрушали очарование большого города. И все равно хотелось бы там побывать. Все-таки Лиина бывала только в эльфийских... селениях, городами их, с точки зрения человека, и назвать-то сложно, а позже видела лишь провинциальные городки людей, маленькие и несуразные. То же и с Ирмой, разве что она и эльфийских владений не видала. Неудивительно, что на столицу посмотреть хотелось, а заодно поинтересоваться ее историей. Хотя бы, к примеру, тем, что же легендарный король Акмар, славный, как она уже знала, не столько военными, сколько любовными победами, забыл тогда на сеновале?

А потом зашел Пьер, доложил, что баня готова, и мужчины направились мыться. Ирма этого развлечения не понимала. В ее понимании, для того, чтобы быть чистой, вовсе не обязательно сидеть в раскаленном пару и хлестать себя веником. Она вообще плохо переносила жару, а еще хуже – перепады температур. Эти же двое, Аллен и Элтон, еще и окатывали себя ледяной водой. Бр-р-р... В свое время к бане приохотился кто-то из предков Аллена, долго живший на севере, и привил любовь к ней своим потомкам. Ну а сам Аллен, в свою очередь, подсадил на эту забаву целителя, который утверждал, что пар снимает усталость и буквально омолаживает его организм. Нет, конечно, мужчины могут забавляться, как считают нужным, вот только сама девушка старалась держаться от подобных извращений подальше.

Лиина умчалась куда-то по своим делам, оставив Ирму в одиночестве. Девушка вздохнула, встала, накинула на плечи куртку и неспешно вышла во двор. В любой другой день тетя Мила наверняка нагрозила бы ее кучей обязанностей, не в ее правилах было оставлять человека без работы, ибо праздное любопытство, как считала пожилая и многое повидавшая в жизни женщина, разрушительно действует на человека. Может, она и права была, но сегодняшний день не был обычным. Как же, хозяин этих мест приехал, а его слуги уважали. И, самое удивительное, уважают многих, но в большинстве случаев это чувство приправлено изрядной долей страха. А барон ухитрился добиться уважения без страха. Как? Да вроде бы просто. Люди у него жили лучше других. И хорошо знали не только кому этим обязаны, но и то, что не будет Аллена – они скатятся до уровня соседей. Вроде бы просто, но как ему удалось донести понимание всего этого до сознания не только ближнего окружения, но и тупых крестьян, для Ирмы оставалось загадкой. Но ведь смог – и на его землях даже разбойников не было, что уж и вовсе редкость.

Пройдя мимо бани, из маленького, прикрытого куском мутного стекла окошка которой просачивались струйки густого пара и доносились хлесткие шлепки веников (мазохисты!), девушка вышла со двора и почти сразу наткнулась на Эррхара. Привалившись спиной к глухому забору, дракон лежал на боку и щурился на солнце. Судя по довольной морде, дракон был сыт и сейчас предавался блаженному ничегонеделанью. В чем, в чем, а в лени драконы исключительно похожи на людей. Ну, или на эльфов, если брать за точку отсчета Лиину с Ирмой. При приближении девушки дракон приподнял прикрывающее глаз бронированное веко и фыркнул, выпустив из ноздрей тоненькие, но не менее горячие, чем в бане, струйки пара.

– Какие эльфы – и без охраны!

В голосе дракона сквозил ничем не прикрытый смех. Ну и ладно. Все равно со стороны не поймут, эмоции ящера могут распознать только те, кто общается с ним каждый день и научился улавливать мельчайшие нюансы.

– Ой, да ладно тебе, – девушка плюхнулась на траву, привалившись к мягкому и теплему брюху Эррхара. И впрямь нажрался – вон, живот раздулся так, что даже чешуйки слегка раздвинулись, открывая гладкую, розовую кожу. Именно поэтому, кстати, стандартная тактика рыцарей-драконоборцев в прошлом заключалась в том, чтобы подогнать к логову дракона корову, или просто подождать, пока хищник вернется с добычей. Драконы – известные обжоры, а когда переедят, то от съеденного становятся малоподвижными и вдобавок уязвимыми. В такое вот оголенное брюхо копьем или мечом ткнуть куда проще, чем пытаться рубить мечом непроницаемые чешуйчатые латы.

– А что, есть возражения? Впрочем, это риторический вопрос, – дракон снова фыркнул. – Скучно стало?

– Ну да, разбежались все.

– Вот тебе и рыцарь без страха и упрека, – в притворном возмущении закатил глаза Эррхар. – Умчался в баню, оставил девушку одну...

– Что же он меня, с собой должен был позвать?

– А ты бы отказалась?

Несколько секунд понаблюдав за потерявшей от возмущения дар речи девушкой, дракон расхохотался. В его исполнении это было громко и, для непосвященного человека, жутковато.

– Только не сердись, – от смеха слова давались ему с трудом. – Просто ты раз пять покраснела и побелела. Это так комично...

Логика драконов – это логика драконов, пускай даже конкретно этот представитель их рода почти всю жизнь провел в окружении представителей других рас. Все равно на жизнь они смотрят совсем иначе, и это не только в переносном смысле, в результате того, что у них мозги другие, но и в самом прямом – глаза-то у них фасеточные, как у гигантских насекомых. Впрочем, Ирме сейчас было все равно, что у них там другое.

– Ах ты!.. – зашипев не хуже змеи, она сорвала куртку и, размахивая ею, как Лиина, полотенцем выгоняющая с кухни муху, кинулась в бой. Дракон, чтобы не получить по шее, закрылся крылом, и порыв ветра от резкого движения словно гигантской мягкой подушкой ударил девушку в грудь. Ноги еще продолжали движение, а тело уже остановилось, и в результате, потеряв равновесие, Ирма просто с размаху села на задницу. Правда, тут же снова вскочила, но первый запал уже прошел, да и дракон успел отсмеяться.

– Да успокойся ты, – ленивым и вместе с тем неуловимо быстрым движением он кончиком крыла подсек девушке ноги, вновь заставив ее принять сидячее положение. – Ты еще скажи, он тебе не нравится.

Ирма постаралась придать лицу максимально холодное и высокомерное выражение. Дракон лишь вздохнул – для него человеческие (или эльфийские, какая разница) взаимоотношения так и остались тайной за семью печатями, и прекрасно, лучше самих людей, подмечая многие нюансы, он совершенно не мог понять реакцию на казалось бы простые житейские вопросы.

– Ладно, замяли. Никому не скажу. Но все равно не понимаю.

Голос дракона звучал даже немного жалобно, но девушке сейчас было все равно. Сердито вскочив, она повернулась к Эррхару спиной и зашагала к себе, не обращая внимания на жалкие попытки извинений, которые дракон, по идее, должен был сейчас выдавать в огромном количестве. Самое обидное, даже не пытался извиняться, зараза чешуйчатая – для Эррхара его бестактность так и осталась тайной за семью печатями. Он искренне недоумевал, почему девушка обиделась, в результате обиделся сам, и настроение друзей на

весь вечер оказалось безнадежно испорчено. Только вот Эррхар убрался к себе (он облюбовал рядом нечто вроде пещерки, образованной невесть откуда взявшимися в лесу гигантскими валунами), а Ирме пришлось весь вечер изображать веселую и довольную жизнью собеседницу. В конце концов, ни Элтон, ни Аллен не виноваты в том, что проклятый ящер прав...

А утром ей, допоздна проворочавшейся в постели (ну не шел сон, как она ни старалась) и не выспавшейся, пришлось сопровождать барона в его поездке. Элтон остался дома – он возился с Лииной. Все же у малолетней эльфийки и впрямь имелся неплохой магический дар, грешно было зарывать такой в землю. По понятным всем причинам отдавать ее в столичную академию они не могли, да девочку там по малолетству сразу и не приняли бы. Сейчас – может быть, а раньше точно нет. Впрочем, это лишь теоретические умозаключения, все равно ее приходилось прятать, и потому не то что ехать в столицу – просто покидать эти места Лиине было чревато. Конечно, Элтон и сам мог дать ей азы магического искусства, однако он сидеть в глуши не мог тем более. В городе работа, клиенты, заработки... Аллен, конечно, мог взять финансовые вопросы на себя, но целитель категорически не хотел, чтобы дружеские отношения перешли в коммерческую плоскость. Барон его понимал и не настаивал, но в результате эльфийка вместо сколь-либо полноценного образования вынуждена была довольствоваться суррогатом. Если конкретно, Элтон давал ей задачу по изучению теории, а когда приезжал сюда вместе с бароном, практически все время посвящал тому, чтобы дать Лиине хоть немного практики. Разумеется, и результат был лучше, чем вообще без обучения, но много хуже, чем хотелось бы. Хорошо еще, в хранящейся здесь библиотеке имелись книги практически на все случаи жизни, в том числе и по магии. Так что в плане теории читающая даже более сложные книги, чем сверстницы, Лиина в чем-то их, может, и превосходила. Но практика... Да уж, не стоит о грустном. Зря, что ли, ей категорически запретили пользоваться магией в то время, когда целитель отсутствовал.

Итак, Элтон и Лиина занимались. Во-он, молния над забором ширкнула, как только лес не подпалила. Сразу за этим раздался вопль Элтона – ну, это обычное дело, особыми талантами к обучению других, равно как и терпением, целитель не блистал, и на крик срывался запросто. Вон как малую костерит! Ирма невольно заслушалась. И где он, спрашивается, слова-то такие узнал? Небось у пациентов слышал, у тех же наемников, они, по слухам, матерщинники знатные. Но надо было поспешать – барон уже остановился у опушки леса, обернулся, глядя на нее. В этом он весь – спокойный, голос не повысит, слова не скажет о том, что она со своим любопытством его задерживает, и от этого еще более стыдно. Ирма вздохнула, ударила каблуками по бокам упитанной гнедой кобылки, и та резво взяла с места. Понимала, что если хозяйка (хотя какая уж хозяйка, в этих местах абсолютно все, в том числе и их с Лииной жизни, принадлежат барону) торопит, надо поспешать, без дела понукать не будут.

Аллен только кивнул, когда Ирма подъехала, шевельнул поводьями, и черный, как ночь, жеребец знаменитой рыцарской породы, способный без усталости носить рыцаря в полном доспехе и сейчас, кажется, не чувствовавший веса седока, неторопливо шагнул в чащу. Ирме оставалось только пристроиться сзади и наблюдать, как движется Аллен. Он, кстати, по лесу ехал вполне уверенно, хотя, и в этом девушка тоже не сомневалась, сродства с ним, как она сама, не ощущал. Просто хорошо знал эти места, без видимых усилий нашел незаметную с опушки тропу и дальше ехал уже по ней. Даже удивительно – Ирма жила здесь три года, но барон, каждые четыре месяца приезжавший навестить их, ни разу не то чтобы ее с собой не

брал, но и на охоту не ездил. Вот форель в узкой и бурной речке по соседству на удочку ловил, это да, а охотиться даже не пытался. Но лес, как оказалось, знал не хуже девушки, и она была уверена: завяжи ему глаза – все равно найдет дорогу.

Ехали они недолго, с час, может, полтора, не больше, и закончили путешествие на небольшой, всего в три человеческих роста, поляне с одинокой сосной посередине. Ирма хорошо знала это место – здесь было на редкость сухо, и она, бегая почти каждый день по лесу, иногда останавливалась тут отдохнуть. Похоже, Аллен тоже остался к поляне равнодушен – легко, одним коротким движением спрыгнул с коня, гулко бухнув по земле сапогами, подошел к сосне и некоторое время ходил вокруг нее. Потом удовлетворенно кивнул, вернулся к лошадям, снял притороченную к своему седлу лопату с коротким черенком и махнул Ирме рукой – пошли, мол. Девушке оставалось только послушаться.

Следующие полчаса они были заняты. Вначале аккуратно снимали дерн, потом Аллен выкапывал яму, а землю бросал на расстеленную рядом мешковину. Затем аккуратно поместил на дно ямы небольшой, но тяжелый сверток, засыпал его землей, уложил на место дерн. Ирма блеснула своим знанием леса, заставив траву мгновенно восстановить корни и скрыть всякие признаки раскопок. Аллен, как ни странно, этому совсем не удивился, приняв как должное. Только кивнул и аккуратно оттащил остаток земли подальше и высыпал его в овраг. Вернулся и, убирая мешковину, кивнул девушке:

– Запомни это место. Если со мной что-нибудь случится, эта заначка поможет вам продержаться некоторое время. Здесь две сотни золотых, столько же серебра и несколько камешков.

Ирма кивнула. Сумма более чем значительная, на такую, даже не учитывая камни (что там, рубины или сапфиры, она даже не спросила), в городе можно безбедно прожить несколько лет, а в какой-нибудь глухой деревне и вовсе шиковать до конца жизни. Похоже, барон и впрямь серьезно обеспокоен, если вынужден предусматривать для подопечных такие варианты. Да что же такое ожидается-то? Аллен наверняка знал больше, чем говорил, но предпочитал молчать. Стоило, конечно, попытаться разговорить его, но – потом, немного позже, сейчас все равно ничего не скажет, только упрется, как баран... В этот момент размышления Ирмы были грубо прерваны раздавшимся неподалеку криком.

В том, что кричал человек, Ирма даже не сомневалась. Только людям удастся смешать в коротком вроде бы вопле столько чувств – испуг, боль, агрессию, густо вплетя в получившуюся смесь богохульства, разом ставящие под сомнение приличное посмертие автора и всех его потомков. В общем, заслушаться можно. Уже привычно девушка потянулась к лесу, впитала в себя его знание... Эх, жаль, что он не разумен и может показать лишь образы, но и это немало. Человек. Один. В пяти сотнях шагов, примерно. Боль. Злость. Испуг... Испуга нет, видать, уже прошел, у людей это быстро.

Девушка открыла глаза и обнаружила, что Аллен с удивлением смотрит на нее. Проклятие, теперь придется объяснять, что с ней происходило. Или что-нибудь придумывать – Ирме не хотелось, чтобы хоть кто-то знал о ее связи с лесом. Это было ее – и только ее. Впрочем, барон, надо отдать ему должное, умел выделять главное, и потому не стал лезть с расспросами сразу. Как только Ирма в двух словах объяснила ему диспозицию, он лишь кивнул и, взяв под уздцы коня, молча двинулся в указанном направлении. Ирма даже не удивилась, когда он коротким движением кисти извлек из ножен на поясе длинный охотничий кинжал. Аллен не путал трусость и осторожность, это она знала, и не зная точно, чего ожидать, предпочел вооружиться. Нет меча? Ну и что, в лесу кинжал кое в чем удобнее

длинного клинка. И держит так, чтобы со стороны было незаметно.

Легко обогнав барона, девушка пошла впереди. Аллен не возражал – признавал, что она лучше него знает лес, а главное, то место, где находится кричавший. Редкое для мужчины качество уметь без слов отдать женщине лидерство не только на кухне, но и просто там, где она случайно оказалась более компетентна... Впрочем, додумать эту мысль девушка уже не успела.

Мужчина сидел, прислонившись к огромной, сплошь покрытой серым лишайником ели и неловко подогнув ногу. Что-то в его позе показалось Ирме странным, но она списала это на травму – по доброй воле так сидеть никто не станет, нога или сломана, или вывихнута. Девушка шагнула было вперед, но тяжелая рука барона легла ей на плечо, остановив движение.

– Кто ты и что здесь делаешь?

Голос Аллена звучал спокойно и... зло. Да-да, именно так. Никогда еще Ирма не слышала, чтобы барон злился, но сейчас он был именно зол и не скрывал этого. Странно, почему бы?

– Сиж, не видишь, что ли? – огрызнулся мужчина.

– Я спрашиваю, что ты делаешь на моей земле?

Да что тут думать? Браконьер, кто же еще. Ирма видела их здесь иногда, благоразумно держась от них подальше. Большого вреда лесу они не причиняли и старались обходить охотничий домик стороной – боялись Пьера, который запросто мог отрезать такому бродяге голову. При Ирме, правда, этого не случалось, но, как проговорила однажды перебравшая домашней настойки тетя Мила, раньше, пока егеря не отвадил непрошенных гостей, бывало, и не раз. Но что так разозлило Аллена?

Ирма поняла это через секунду, когда бродяга зашевелился. Куртка из грубо выделанной оленьей шкуры распахнулась, пахло давно не мытым телом, и девушка увидела глядящий ей прямо в лицо арбалет. Время как будто растянулось, и она еще успела с удивлением подумать, что оружие слишком изящное и дорогое, чем у привыкших пользоваться грубыми поделками провинциальных оружейников браконьеров. А потом неведомая сила приподняла девушку и отшвырнула в сторону, и, прежде чем восприятие вернулось к привычному ритму, она еще успела рассмотреть, как судорожно сжимается рука на ложе арбалета, освобождая тетиву, а в груди браконьера словно бы из ниоткуда появляется рукоять кинжала.

Лорд Аллен

Когда Ирма вдруг замерла, Аллен удивился. Нет, он УДИВИЛСЯ! Девушка вытянулась, как струна, тронь – зазвенит, и стала, такое впечатление, хрупкой, будто стеклянная. И при этом она перестала реагировать на что бы то ни было. Барон помахал рукой у нее перед лицом. Бесполезно, стоит, как статуя, глаза открыты, но не видят, зрачки даже не дрогнули. И даже не моргает... До этого момента Аллен ни разу не видел ее такой, да и вообще странностей за Ирмой не замечал. Обычная девушка. Ну, полуэльфийка, и что с того? Ведет себя так же, как сверстницы, ну, с поправкой на три года затворничества, конечно, однако это мелочи. Дракон раньше к ней лип, однако сейчас, повзрослев, стал не в меру самостоятельным и перестал столь явно демонстрировать предпочтения. Словом, человек как человек, не более того, а сейчас вдруг...

Аллену раньше приходилось видеть нечто подобное. Пару раз Элтон, до полусмерти устав, при нем погружался в транс. Это было похоже, но не то. К тому же Элтон, проверив способности Ирмы, сказал, что она не маг. Кое-какие способности, разумеется, есть, но в том-то и дело, что «кое-какие» имеются почти у всех, он, Аллен, редкое исключение. Маги, кстати, тоже – они способны управлять потоками энергии. А подавляющее большинство имеет зачатки способностей, и не более. Ирма относилась как раз к ним.

Привести мысли хоть к какому-то логически обоснованному финалу Аллен не успел. Девушка внезапно выдохнула, опустила плечи и как-то обмякла. Он хотел ее поддержать, но она крепко стояла на ногах, и барон задавил порыв в зародыше – нечего. Тем более она сразу махнула рукой куда-то в сторону гор и резко, хрипло, словно с усилием выталкивая слова, сказала:

– Там человек. Незнакомый. Ему плохо.

То, что кому-то плохо, Аллена трогало в последнюю очередь. Любовь к ближнему в его системе ценностей, конечно, присутствовала, но в том-то и дело, что неизвестные люди близкими не могли оказаться в принципе. Дальние они, дальние, и ради них вряд ли стоило хоть немного напрягаться. Но вот что, интересно, такой «дальний» забыл в его, барона Кассии, землях? Он никого не приглашал, да и дорог поблизости не было, глушь здесь невероятная. Браконьер? Может быть, хотя и для браконьеров эти места далековаты. В любом случае надо было проверить, мало ли. В свете того, что творится в стране, любая осторожность не кажется лишней.

Аллен на миг пожалел, что при нем нет серьезного оружия, однако тащиться в лес с мечом... Может, еще и кольчугу надевать, как некоторые? Аллен был осторожен, но параноиком себя не считал, да и неудобно все это. Зато рукоять охотничьего кортика будто сама прыгнула в руку. Хорошая и очень дорогая игрушка, на заказ сделанная знаменитыми арнаускими оружейниками. Длинный узкий клинок столь прочен, что, вогнав его в какую-нибудь щель, или, к примеру, ствол дерева, на нем можно спокойно висеть, не боясь сломать или погнуть оружие. Аллен, покупая, специально проверял. А еще баланс, несмотря на то что лезвие в три ладони длиной, подобран так, что метнуть кортик можно из любого положения. Как это сделано, Аллен так и не понял, приняв свойство оружия как должное. В конце концов, он хорошо заплатил и получил за свои деньги то, что ему понравилось, а деталями пускай занимаются другие.

Браконьер оказался классическим – в длинной плотной куртке, кожаных штанах, высоких, сильно потрепанных сапогах. Пованивало от него тоже изрядно, именно так должно пахнуть от человека, который много двигался и пару недель не мылся. Словом, обычный лесной бродяга. И он Аллену сильно не понравился.

Барон не был снобом, и, по сравнению со многими дворянами, к браконьерам относился достаточно лояльно. В самом деле, кушать хочется всем, и понять человека можно. Если попадется – плетей, разумеется, получит, таковы уж правила игры, и оставлять без наказания покушение на дворянские привилегии нельзя. А то сегодня он охотиться вздумал, завтра меч, к ношению простолюдинам категорически запрещенный, купит, а послезавтра и вовсе своего барина прирежет. Случались прецеденты, бывало, как раз добреньких-то и убивала обнаглевшая от безнаказанности толпа. Вот только и озверевших до потери человеческого облика дворян тоже порой находила пущенная из-за угла стрела. Аллен все это прекрасно знал, и потому не усердствовал, стараясь по возможности соблюдать баланс между строгостью и той гранью, за которой холопу становится все равно, и он готов,

наплевав на собственную жизнь, выпустить кишки хозяину. Так что попался на браконьерстве – получи свои тридцать «горячих» и ступай, поротую задницу залечивай. И все, можно сказать, довольны. Барон тем, что не оставил без последствий покушение на собственные вольности, а нарушитель – что не лишился, к примеру, правой руки, а то имелась в свое время у некоторых умников мода браконьерам правую кисть отрубать. Словом, Аллен обычно не испытывал к браконьерам излишней неприязни. Вот только сейчас был явно не тот случай.

Что именно показалось ему странным, Аллен понял уже после того, как остановил Ирму, не раздумывая бросившуюся помогать жертве непонятных жизненных коллизий. Светлая душа... А вот на то, что куртка по такой погоде слишком жаркая, и по доброй воле ее вряд ли кто напялит, не сообразила. А еще на то, что правая рука незнакомца постоянно скрыта одеждой, не посмотрела... В общем, когда браконьер с неожиданным для увечного проворством извлек из-под полы куртки арбалет, совсем, кстати, не похожий на мощный, но большой и грубый охотничий агрегат, Аллен был готов к чему-то подобному и успел отшвырнуть спутницу и метнуть кинжал.

Попал, ну да кто бы сомневался. В глазах стрелка еще успел мелькнуть огонек удивления, когда тяжелое стальное лезвие ударило его в грудь, но это было последнее осмысленное выражение, которое Аллен в них разглядел. А вот рука, что интересно, даже не дрогнула, и арбалетный болт угодил в левое плечо метнувшемуся вправо барону. Повезло – только разорвал кожу и ушел куда-то в лес. Ну и куртку испортил, сволочь такая! Зато в следующий миг Аллену пришлось драться за собственную жизнь.

Пространство рядом с деревом внезапно пошло рябью и как будто разбилось на мелкие-мелкие квадратики. Даже гадать не надо, что это – система маскировки, обычно применяемая армейскими магами-разведчиками. Видели, как же, знаем. Только очень редко применяемая, поскольку требует от скрытого за завесой невидимости человека полной неподвижности. Малейшее движение – и целостность картинки нарушается. И заклинание очень сложное, а все потому, что здесь не банальный отвод глаз, а придание какого-то подобия прозрачности тому, кто сидит в засаде. В деталях Аллен, ни разу не маг, был не силен, но достоинства и недостатки знал, положение обязывало. Единственное преимущество, за такой, направленной не наружу, а внутрь защитой можно скрыться и от мага, и от такого невосприимчивого к магии человека, как сам барон. Стало быть, и те, кто устраивал засаду, ожидали именно его. Все это молнией пронеслось в голове Аллена, а тело действовало уже само.

Аллен не пытался защищаться или уклоняться, он сделал то, чего вооруженный противник не ждет от безоружного человека – атаковал. Прыжок вперед, перекат... Тот, кто прятался за пологом невидимости, не успевает среагировать на изменение обстановки. Меч его покинул ножны лишь наполовину. Резким ударом ладони по руке Аллен загнал оружие на место, а правой рукой пробил в гортань. Его противник попытался уклониться, шарахнулся назад и вбок, но не обычному человеку состязаться с рыцарем, которого с детства учили убивать всем, что только может придумать изобретательный человеческий ум. Просто не хватило скорости – кончики пальцев Аллена достали до цели, заставив человека схватиться за горло и с хрипом осесть на землю. И только сейчас барон понял, что перестарался – с раздробленной гортанью не живут, и теперь расспрашивать, кто же здесь такой умный, что устраивает в чужом лесу засады на мирного дворянина, попросту некого. Однако такие мелочи интересовали сейчас Аллена постольку-поскольку. Одним движением вырвав из

ножен умирающего врага оружие (тот рефлекторно попытался в него вцепиться, и на землю упали два пальца), он крутанулся вокруг себя в поисках новой угрозы.

Как ни странно, никого больше здесь не было, только Ирма сидела на земле и удивленно хлопала глазами. Похоже, убийцы действовали вдвоем – потрясающе наивные люди, иначе и не скажешь. Вдвоем на рыцаря пошли. Всего-то вдвоем. Аллен с трудом подавил родившийся где-то в глубине сознания и сейчас упорно рвущийся наружу нервный смех. Нет, правда, наивные до полной глупости. Как они до своих лет-то дожили, да еще и таким опасным ремеслом при этом занимались.

– Я не знала... Честное слово, не знала...

– Что именно? – Аллен удивленно повернулся к Ирме.

– Что они здесь. Я думала, только один, раненый...

– Откуда ты про него вообще знать могла?

– Я... я чувствую лес, – как-то обреченно выдохнула девушка. Плечи ее сникли, казалось, она сейчас заплачет.

Аллен едва удержался от того, чтобы удивленно присвистнуть. Ну ни... чего ж себе! Редчайший, даже среди эльфов считающийся практически утерянным дар. Он хорошо помнил старые хроники. Если верить им, Мастера Природы в одиночку останавливали целые армии, заставив деревья оживать и набрасываться на врагов. Ирма, конечно, вряд ли этим владеет, она совсем необученная и в самом начале своего пути, но все равно... Элтон – идиот! Упустить такой потенциал... Ирма со своим даром как маг в разы ценнее Лиины, с которой он носитя, как курица с яйцом. Даже Аллен, знания которого в магии оставались исключительно теоретическими и не слишком обширными, это понимал. Однако сейчас подобные нюансы отходили на второй план – в первую очередь требовалось успокоить готовую распустить сырость девчонку, потому что если она впадет в истерику, сделать это будет в разы сложнее.

– Чувствуешь – это хорошо, – Аллен широко улыбнулся, подошел к Ирме и обнял ее за плечи. Та внезапно повисла у него на шее, благо ростом (эльфийская кровь) почти не уступала. Всхлипнула пару раз, но на этом, похоже, все и закончилось. Барон облегченно перевел дух – кризис явно миновал. – Чувствовать лес – это же здорово! Сам мечтал, да талантов нету.

– Правда? – Ирма подняла на него красные глаза. Видать, все же немного поплакала, хотя лицо сухое.

– Правда-правда. И зря ты думаешь, что если у тебя есть необычный талант, мы будем иначе к тебе относиться. Вот припахивать начнем сильнее – это обязательно.

Немудреная шутка, но девушка улыбнулась. Чуть отстранилась от Аллена, посмотрела на него, и ее глаза потемнели, а лицо стало испуганным:

– Ой, у тебя кровь...

– Чепуха, царапина, – только сейчас барон почувствовал, что плечо чуть заметно ноет. – Куртку вот порвал, гад...

– Я зашью...

– А вот за это спасибо, – Аллен неумело пытался перевести дело в шутку, опыта в успокаивании малолеток у него не было.

– Только я ведь правда не знала, что их двое. И что они здоровые. Лес говорил совсем другое.

– А чего тут удивляться? – Аллен пожал плечами, нагнулся к тому, которого прирезал,

качнул оружие в ране, а затем одним рывком, ухитрившись не испачкаться в крови, выдернул кинжал. Удачно попал – точно между ребрами, клинок пробил жертву насквозь и как бабочку пришил к древесному стволу.

Аккуратно обтерев лезвие клоком влажного мха, он быстрым движением распорол одежду вначале одного, потом второго мертвеца. Удовлетворенно хмыкнул:

– Ну вот, так я и знал, – он поддел кончиком клинка цепочку с болтающейся на ней металлической пластинкой, висевшую на шее одного из трупов. У второго была почти такая же. – Видишь?

– А что это?

– Смертный медальон. Эти двое – разведчики, рейнджеры. Легион «Снежные барсы». Не самое крутое подразделение, но и не из последних – так, середнячок. В отставке, видишь, на краю пробита дырочка? Впрочем, это без разницы, навыки-то никуда не делись. Да и в отставке недавно, металл не успел потемнеть. Оба маги – метки есть, да и не берут других в разведку. Тот, который был с арбалетом, третий ранг, мелочь, а этот, с мечом, судя по метке, второй. Это уже серьезнее. Интересно, почему он полез с мечом, а не попытался залепить в нас какой-нибудь пакостью из своего арсенала? Ладно, это не столь важно. Так что не расстраивайся, обнаружить их ты изначально не имела ни малейшего шанса.

– Почему?

– Их учили оставаться невидимыми в расчете на любого противника, включая эльфов, – терпеливо объяснил Аллен. – Ранги у них невеликие, но во всем, что касается маскировки, и обычной, и магической, разведчики вне конкуренции. То же и с поиском – заклинания, которые они используют для того, чтобы найти жертву, невероятно сложно обнаружить, здесь может оказаться бессилён даже маг со стажем. Ты не смогла бы их почувствовать. Мне повезло, что они нас не принимали всерьёз. Иначе бы не стали разыгрывать дурацкий спектакль, а ударили в спину. Тогда у меня не имелось бы и тени шанса.

– А в бою...

– В открытом бою я сильнее, меня этому учили дольше и лучше, – снова пожал плечами Аллен. Подбросил в руке трофейный меч, примерился – баланс оказался неплох, хотя и неидеален. – Знаешь, пошли-ка домой. Не нравится мне все это.

– А... эти двое?

– Тут болотце рядом.

В течение следующих нескольких минут Аллен без малейшей брезгливости обшаривал трупы, в результате чего трофеями его, помимо меча и арбалета, оказались два десятка коротких стрел-болтов, из них четыре с помеченными белой краской наконечниками. Насколько он знал, такой напичканный магией наконечник, попав в тело жертвы, со взрывом распадался на куски. Сам-то взрыв так, мелочь, хоть и неприятная, но осколки металла выковыривать потом заколебаешься. Не зря же помимо краски наконечники покрыты мелкой-мелкой насечкой. По ней они, в общем-то, и распадаются. Словом, оружие грозное, хотя против рыцаря в доспехах и бесполезное – если обычный арбалетный болт обычно пробивает панцирь, иногда даже навылет, то этот разве что оставит вмятину и испортит полировку.

Еще нашлись три ножа, несколько метательных звездочек, остро заточенная спица, которой можно ткнуть в любую щель доспеха, пара мотков тонкой, но очень прочной шелковой веревки, куча мелочей вроде огнива и амулетов от венерических заболеваний, словом, обычная для карманов любого мужчины мелочевка, и все. Аллен аккуратно сложил

добычу, убедился, что девушка от вида трупов и его мародерства не торопится впадать в истерику (как же, в свое время и не такое видала), а потом уволок незадачливых разведчиков прочь и спихнул их в трясину. Только булькнули, гады. Разумеется, кое-какие следы остались, но это ерунда. В лесу все исчезнет очень быстро, и пару дней спустя никто и ничего уже не обнаружит.

– Знаешь, что мне не нравится? – спросил барон, закончив с грязной работой и присаживаясь на траву. Плечо вроде бы почти не кровоточило, но ныло, и это было неприятно. Девушка промолчала, понимая, что вопрос был риторическим. – У них с собой нет даже намека на еду. И нет запаха лошади.

– Это ты к чему? – Ирма недоумевающе подняла глаза.

– Добираться сюда пешком занятие неблагодарное, – терпеливо объяснил Аллен. – На телеге они бы незаметно не проехали. Стало быть, этих двоих перебросили сюда порталом, и долго задерживаться они не собирались. И охотились они, скорее всего, на меня, но при этом полагали присутствие рядом мага. Это неудивительно – про нашу дружбу с Элтоном в городе знали все. Не нравится мне это... Пошли-ка до дому.

Что они безнадежно опоздали, стало ясно еще до того, как Аллен увидел дом. В лесу, где видимость ограничена, слух и обоняние порой важнее глаз, и запах гари оба почувствовали издавдала. Первой реакцией Аллена было спешиться и тихонько, на кошачьих лапках приблизившись к своей «избушке», посмотреть, что произошло, однако Ирма спутала ему все планы. Из всех сил ударив каблуками по бокам своей лошади, она послала ее в галоп и устремилась вперед. Мысленно проклиная и богов, и демонов, и всех глупых баб, очертя голову лезущих в пекло, Аллен погнал коня следом, придерживая непривычный трофейный меч и надеясь, что не слишком надежный предохранитель загодя заряженного арбалета выдержит и не даст оружию выплюнуть стрелу в белый свет.

В поместье шел бой. Поразительно, как много в такой момент может заметить мельком брошенный взгляд, и с какой легкостью мозг расчленяет увиденное на фрагменты и в доли секунды осмысливает ситуацию. Половина забора была снесена, и Аллен с ходу определил, что здесь поработало таранное заклинание. А вот несколько обугленных трупов на спекшейся до твердой, растрескавшейся корки земле перед ним – это уже явно чужие. Барону даже не потребовалось напрягаться, чтобы представить, как свечой взмывает в небо дракон – и с восторженным ревом обрушивается вниз практически вертикально, извергая перед собой струю голубоватого, почти прозрачного пламени.

А вот, кстати, и сам дракон. Непонятно, живой или нет. Лежит чуть в стороне, смяв бронированным телом низкорослый подросток и затормозив лишь там, где начинаются высоченные сосны. Чем это его? Неважно, все потом.

Дом цел и, похоже, даже не пострадал, а вот баня, в которой они только вчера мылись, раскатилась на обугленные бревна, чуть в стороне догорает амбар. Однако сопротивление еще не подавлено. На заднем дворе сполохи, похожие на те, что дают боевые заклятия. Там же периодически возникает странное мерцание, переливающееся от синего до бледно-розового, но что там происходит, отсюда не видно. Чей-то пронзительный, на одной ноте, визг...

Аллен догнал Ирму уже почти у самых развалин забора. Все же его жеребец не мог разгоняться так стремительно, как более юркая кобыла, да еще и несущая на себе почти вдвое меньший груз. Он бы и вовсе не смог ее настигнуть, но уже под конец чем-то напуганная лошадь заартачилась, пытаясь встать на дыбы, и за те секунды, которые

потребовались девушке на то, чтобы вернуть контроль над средством передвижения, Аллен не только нагнал ее, но и проскочил вперед. Этим он, возможно, спас Ирме жизнь, потому что принял на себя первый удар. Во дворе, в который Аллен с ходу влетел, была работа воину, а не испуганной соплячке.

Какой-то хмырь в неудобном даже на вид коричневом, с красными и золотыми полосами балахоне вскинул руки. Маг, отрешенно и стремительно определил продолжающий работать в прежнем, боевом режиме мозг. Не военный – те не тратят времени на жесты, бьют сразу, и заклинания у них простые и сильные, пассив, часто больше рассчитанных на публику, обычно не требующие. И явно молодой – те, кто постарше, выделяющей из толпы атрибутикой вроде разноцветных плащей не пользуются, они детские игрушки переросли. Эти мысли еще не закончили формироваться, а маг уже падал с насквозь пробитой арбалетным болтом грудью, и какое заклинание он собирался применить, для Аллена так и осталось загадкой.

Отшвырнув разряженный арбалет в сторону бегущих на помощь магу людей (не попал, конечно, да и не рассчитывал, в общем-то), барон рывком извлек из ножен меч. Э-эх, раззудись, рука! Конь стоптал одного, мечом Аллен достал другого, буквально развалив ему череп вместе с дешевым кожаным шлемом, а потом перед глазами ярко-ярко полыхнуло.

Откуда ударил маг, Аллен так и не понял, да и неважно это было. Его вместе с конем отшвырнуло назад, и животное, молотя в воздухе копытами, с жалобным ржанием рухнуло на землю, чудом не придавив седока. Успевший выдернуть ноги из стремян, барон перекатом ушел в сторону и вскочил, выставив перед собой меч, который, несмотря ни на что, так и не выпустил из рук. «Если по вам прицельно бьет маг, не стойте на месте, постоянно двигайтесь, так вы собьете ему прицел». Слова армейского наставника вспыхнули в мозгу уже постфактум, тело делало все само, без лишних напоминаний. Прыжок в сторону – и, как оказалось, вовремя, земля там, где только что стоял Аллен, вскипела. Замечательно! От первого удара защитный амулет на шее (мера предосторожности, любой дворянин такую игрушку носит почти не снимая) защитил, но второго удара он бы не выдержал. И кто это у нас, спрашивается, такой шустрый?

Бросок вперед. «В схватке с магом постарайтесь держаться ближе к воинам врага. Боевая магия рассчитана на удар по площадям. Там он не сможет достать вас, не зацепив кого-то из своих». Раз! Противники не ожидали такого маневра, они кто угодно, но не военные. Удар наискось, ожидаемый блок... Н-на! А вот пинка в промежность ты не ожидал, скотина. С разворота достать согнувшегося от боли мечника клинком по спине, поднырнуть под удар второго и режущим движением полоснуть его по животу... Трофейный меч короче и легче того, к которому Аллен привык, но на противнике нет доспеха, ему хватает. Перехватить из разом онемевшей руки второй клинок – даром, что ли, отец учил его работать двумя мечами. Тут же скрестить их, принимая удар алебарды... Алебарда – грозное, но слишком медленное оружие. Уход в сторону, ткнуть ее хозяина в бок... О, маг, вот ты где, дорогой! Совсем еще мальчишка, в таком же балахоне, как и его покойный товарищ. Вертит головой, явно не успевая за темпом боя. Прыжок, кувырок... Маг запаздывает на ту долю секунды, которая в бою разделяет жизнь и смерть. Телохранитель, огромный мужик в кольчуге из крупных звеньев, которому вроде бы положено лечь костями, но не подпустить к магу врага, шарахается в сторону – своя шкура дороже. Маг вскидывает руки в рефлекторном жесте... Короткий полувоплъ-полувсхлип. Кончено. Развернуться, встретить выпад решившего вдруг реабилитироваться телохранителя, увести его меч в сторону и кончиком

второго достать шею, там, где, не прикрытая слишком коротким доспехом, бьется и пульсирует артерия. Уйти в сторону – чистоплюйство, но мараться все равно не хочется, отбить выпад еще одного умника...

Идиоты! В строю их никто биться, похоже, не учил, иначе давно бы смяли. Аллен сейчас имел хорошие шансы перебить их всех поодиночке, благо магов здесь, похоже, больше не имелось, да и луков-арбалетов не наблюдалось. Вот только отчаянный вопль Ирмы разом смешал ему все планы. Широким взмахом клинков заставив шарахнуться немного оправившихся и попытавшихся было сунуться врагов, обернулся, выругался про себя... Так и есть, влетела, дура, прямо в гущу событий, и с лошади ее уже сдернули.

Левой рукой барон метнул меч. Никого не убил, естественно, правильно бросить длинномерный, к тому же незнакомый клинок очень сложно. И все же одному из тех умников, что держал Ирму, по хребту прилетело изрядно. Он аж взвизгнул и обернулся, только для того, чтобы увидеть стремительно бегущую к нему смерть. Аллен с места взял разгон, походя смахнул голову какому-то не успевшему убратся с дороги вояке и с восторгом обрушился на своего более мелкого противника. Тот, вместо того, чтобы отпустить девушку, попытался ей закрыться. Не успел, естественно, только брызнула во все стороны ярко-алая кровь, щедро окропив барона. Двое других не стали испытывать судьбу, порскнули в стороны, как воробьи от кошки.

Развернувшись, Аллен с удивлением обнаружил, что те, кто еще недавно пытался его убить, лихо драпают. Очень похоже, эти «герои» трезво оценили шансы в открытом бою и сейчас то ли решили спасать шкуры, то ли заняться изматыванием противника бегом. Неважно.

– Сиди здесь! – Аллен подобрал очень кстати попавшийся на глаза арбалет, рывком взвел его, чуть не порезав пальцы о тетиву. Без ворота это было сложно, но ему сил хватало. Зарядил оружие разрывным болтом, сунул его в руки девушке. – И не лезь! Ради всех богов, не лезь...

Не дожидаясь ответа развернулся, кинулся следом за беглецами. Правда, бежал только до угла, из-за него выпрыгнул в кувырке – и, как оказалось, правильно сделал. Удар чужого мага опоздал на долю секунды. Впрочем, это уже ничего не решало. На другом конце двора мерцал готовый закрыться портал, в который спешно прыгали люди. Последний, очевидно, тот самый маг, что едва не достал сейчас Аллена, метнул в него что-то, напоминающее матовую черную сферу, всю переплетенную серыми ниточками разрядов и размерами с человеческую голову. Встречаться с ней не хотелось категорически, и Аллен просто рухнул на землю, пропуская ее над головой. Сзади глухо ухнуло, на спину посыпался какой-то мусор, но Аллену было не до этого. Маг выиграл время и, пока барон перекатывался в сторону, меняя позицию, и вставал на ноги, он успел прыгнуть в портал. Хлопок, вспышка света – и сияющая арка начала медленно затухать... И тишина!

– Что это?

– Портал... Я кому сказал сидеть и не пугаться под ногами?

Как ни странно, злости на непослушную девчонку не было, только усталость и какая-то отрешенность от происходящего. Должно быть, все эмоции уже выплеснул, мимоходом подумал Аллен, медленно садясь на валяющееся тут же бревно, судя по цвету и трещинам, от бани. Ирма, похоже, тоже поняла, что ругаться он пока не будет. Дотронулась до его лица:

– У тебя кровь...

– Не моя.

– И твоя тоже...

Как оказалось, небольшая рана на виске, уходящая вверх, под волосы, имелась. Когда, интересно, он ее успел получить? Аллен не помнил. Ну, не почувствовал он удара, хотя еще чуть-чуть – и остался бы без половины черепа. Наверное, в последний момент, когда вытаскивал Ирму. Говорили же умные люди: видишь, что на девушку напали – беги, красивых девушек много, а ты один. А еще начало болеть раненное из арбалета плечо. Вроде царапина, а поди ж ты! Не сидеть, не сидеть, а то потом не сможешь встать, а надо еще понять, что здесь произошло.

Это было не в первый раз – на Аллена и раньше накатывало после боя, и, пускай его военный опыт оставался не так уж и велик, справляться с последствиями он умел. Усилием воли загнать внутрь усталость и апатию, взять себя в руки. Встал! Пошел! Опираясь на меч, он поднялся, с усилием разогнулся, и через секунду взглянув со стороны уже никто бы не сказал, что барон с трудом держится на ногах. Впрочем, вялость начала проходить буквально с первых же шагов. Да и омерзение от того, что его кровь смешалась с той дрянью, которая текла в жилах убитых им сегодня врагов, как ни странно, помогло. Равно как и ведро воды, которое он зачерпнул из стоящей тут же бочки и вылил себе на голову.

Элтона они нашли почти сразу. Как ни странно, целитель был не только жив, хотя и без сознания, но и, похоже, задал врагам хорошую трепку. Вокруг того места, где он лежал, осталось тонкое, идеально ровное кольцо спекшейся земли, и происхождение его было Аллену понятно даже без чьих-то профессиональных объяснений. Маг поставил защитный купол, в него били вражеские заклинания, а их отраженная энергия стекала в землю. Барон слабо разбирался в магии, но, судя по тому, что армейцы, да и вообще большинство магов предпочитали купола, тупо отражающие направленные на них удары куда попало, тот вариант защиты, которым воспользовался Элтон, был как минимум сложнее. А еще он бил в ответ сам, и следы от его ударов, включающие в себя не только обугленную траву, но и обгоревшие до неузнаваемости трупы, куски разорванного в клочья и перекрученного, как в мясорубке, человеческого мяса, а также жирные кляксы, воняющие разложившимися трупами, говорили о неожиданной силе целителя. Интересно, кстати, он дерется, Аллен как-то видел, как работают некроманты, так их результаты запахом на эти самые кляксы очень походили. Все же целитель – универсал, и знает куда больше обычных магов, зря, что ли, Элтон этим частенько хвастался. Вот только почему он без сознания?

– Перенапрягся... – очевидно, последний вопрос Аллен незаметно для себя произнес вслух, и Ирма ответила. Оставалось лишь кивнуть с умным видом – наверняка девушка не раз видела, как это происходит. У той же Лиины, к примеру. И хотя малолетняя эльфийка клялась и божилась, что в отсутствии Элтона не колдует, Аллен не верил ей ни на грош. Все дети обожают делать то, что им запрещают.

– И что теперь?

– Полежит немного – придет в себя.

– Ладно, пускай лежит. Двинулись дальше.

Пока они шли к дверям, Аллену не давала покоя одна мысль: почему Элтона не добились? Могли, конечно, не успеть – когда они с Ирмой влетели во двор, целитель еще держался, голову можно дать на отсечение, но потом? Тюкнуть впавшего в беспамятство мага по тыковке – секундное дело. Неужели его, Аллена, так испугались, когда он танцы с железяками устроил? Так ведь не было там ничего особенного. Ну, влетел дворянин в толпу не слишком умелых воинов, поддержанных парой таких же слабо подготовленных магов. Тех,

кто посерьезнее, арбалетной стрелой убить вряд ли получится. Тем более если не в голову, а в грудь. Он, Аллен, в голову и не пытался попасть, кстати – на скаку, да из незнакомого оружия, дохлый номер. Тем не менее для сопляка хватило. Да и второй был не лучше. Здесь же, на его дилетантский взгляд, дрались маги куда более сильные, они просто обязаны растереть невесть откуда выскочившего рыцаря в порошок. И тем не менее ушли, отступили, даже не прикончив уже изнемогшего от усталости коллегу. Не успели? Или уже получили все, что им требовалось? Ответов у Аллена пока не имелось, да и не до того ему было сейчас.

Пьера они увидели почти сразу. Егерь лежал у самой двери, все еще мертвой хваткой сжимая в руках топор, которым обычно колол дрова. Широкое лезвие потемнело от крови, и краем сознания Аллен отметил прилипший к нему клочок черных, кудрявых волос. Прямо напротив него к стене широкой рогатиной, с которой Пьер обычно ходил на медведя, был пришпилен крепкий малый в паршивенькой кольчуге, еще один валялся в рядом с практически отрубленной рукой. Сам Пьер тоже был весь в крови – две стрелы с гранеными наконечниками, пробившие тело едва не насквозь, и так не оставляли егерю никаких шансов, а тут одна, похоже, зацепила артерию. Барон коснулся его шеи, ища пульс, но больше для успокоения совести – с такими ранами не выживают. Оставалось только провести рукой по лицу Пьера, закрывая мертвые глаза. Сзади всхлипнула Ирма.

– Добили, – Аллен на миг склонился над телом врага. – Видимо, не хотели возиться с раненым. Оч-чень интересно, наемники обычно так не поступают. Бросить, а уж тем более добить своего – это против кодекса их гильдии.

– Так это наемники? – пискнула Ирма.

– Вряд ли. Разве только совсем опустившиеся. Больше похоже на сброд, набранный по помойкам. Все, нечего здесь смотреть, пошли.

Хорошо, что он снова пошел первым, а то женские нервы могли и не выдержать. Когда Аллен открыл дверь, ему показалось, что он очутился на скотобойне. Во всяком случае, больше всего просторный холл ее и напоминал. Кровь была везде – на стенах, на потолке... Ноги заскользили по ней, и Аллен едва не упал. Хотя... чего он еще, спрашивается, ждал-то?

Первый из убитых лежал, привалившись к стене и безжизненно закатив глаза. Горло у него было вырвано, и зияющая рана выглядела жутко и сюрреалистично, одежда пропиталась не успевшей еще засохнуть кровью. Рядом валялся его сообщник, лежал он на животе, а лицом смотрел в потолок – ему свернули шею, как цыпленку, причем наверняка одним свирепым рывком. Ожидаемо... Дальше еще один, череп раскрыт, и пена мозгов расплескалась по стене. У следующего разорвана кольчуга, пробита грудная клетка, вырвано сердце. Судя по следам – голой рукой. Еще несколько трупов, Аллен даже не стал их рассматривать. Для тех, кто сюда вошел, то, с чем они столкнулись, стало неприятным сюрпризом. Осторожно отступив назад, Аллен сказал в пространство:

[Купить полную версию книги](#)